

ЧАРЛЬЗ МАССОН

ПОВЕСТВОВАНИЕ
О РАЗЛИЧНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ
ПО БЕЛУДЖИСТАНУ,
АФГАНИСТАНУ И ПЕНДЖАБУ

включая пребывание в этих странах
в 1826–1838 годах

ТОМ III

Путевые записки XIX века

Чарльз Массон

**Повествование о различных
путешествиях по Белуджистану,
Афганистану и Пенджабу. Том III**

«Автор»

2026

Массон Ч.

Повествование о различных путешествиях по Белуджистану, Афганистану и Пенджабу. Том III / Ч. Массон — «Автор», 2026

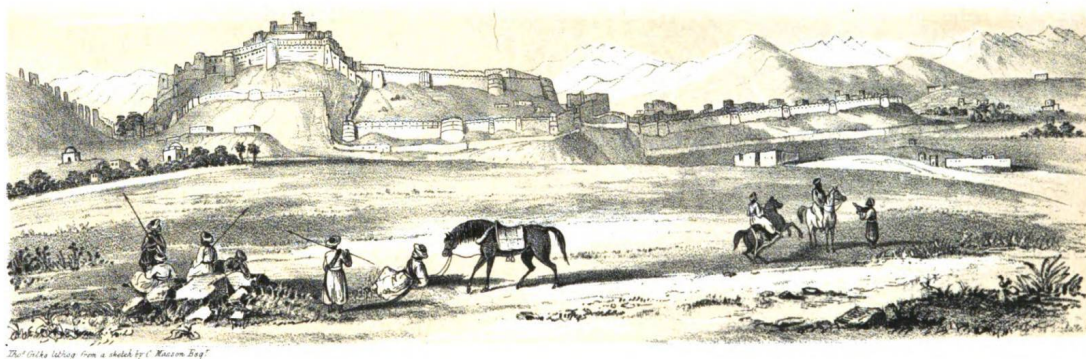
Третий том путевых записок Чарльза Массона посвящён Афганистану первой половины XIX века — стране политических интриг, междоусобных войн и древних цивилизаций. Автор рассказывает о возвышении эмира Дост Мухаммед-хана, борьбе афганских правителей за власть, столкновениях с сикхами и соперничестве великих держав за влияние в регионе. Особое место занимают путешествия по Кабулу, Кохистану, Желалабаду и другим областям, исследования древних городищ, буддийских памятников и археологических находок. Личные наблюдения, рассказы очевидцев и дипломатическая переписка раскрывают повседневную жизнь, нравы и политические отношения эпохи. Завершается повествование событиями, предшествовавшими Первой англо-афганской войне. Эта книга - ценное свидетельство непосредственного участника исторических событий. Автор заметок Чарльз Массон, Автор перевода Д.В. Ткаченко. 2026 г. Москва Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищен авторским правом.

© Массон Ч., 2026

© Автор, 2026

Чарльз Массон

Повествование о различных путешествиях по Белуджистану, Афганистану и Пенджабу. Том III

*ВИД БАЛА-ХИСАРА, ИЛИ ВЕРХНЕЙ ЦИТАДЕЛИ КАБУЛА, С ЮГА
Литография Т. Гилкса по рисунку Ч. Массона.*

ЧАРЛЬЗ МАССОН ПОВЕСТВОВАНИЕ О РАЗЛИЧНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ ПО БЕЛУДЖИСТАНУ, АФГАНИСТАНУ И ПЕНДЖАБУ

Включая пребывание в этих странах с 1826 по 1838 год

В ТРЁХ ТОМАХ

ТОМ III

ЛОНДОН

Ричард Бентли, Нью-Бёрлингтон-стрит

Издатель Её Величества

1842

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I 1

Глава II 10

Глава III 23

Глава IV 41

Глава V 55

Глава VI 66

Глава VII 92

Глава VIII 107

Глава IX 127

Глава X 144

Глава XI 159

Глава XII 170

Глава XIII 190

Глава XIV 204

Глава XV 217

Глава XVI 236

Глава XVII 249

Глава XVIII 265

Глава XIX 278

Глава XX 298

Номера страниц выше относятся к настоящему изданию. В подробном содержании ниже сохранены номера страниц оригинала 1842 года.

ПОДРОБНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОРИГИНАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ

ГЛАВА I. С. 1.

Сайид Керамат-Али. — Его приключение. — Услуги наваба Джабар-хана. — Лейтенант Конолли. — Награда сайида Майхина. — Её причины. — Предложение правительства сайиду Керамат-Али. — Его переписка с капитаном Уэйдом. — Его рекомендация. — Суровость зимы. — Признаки весны. — Общее таяние снегов. — Тёплый и холодный снег. — Разрушение домов. — Назар Баба-Адам. — Весенние цветы. — Водоплавающие птицы. — Мошки. — Чукри. — Раваш. — Подъём воды в реке. — Приказ Дост-Мухаммед-хана. — Остроумное замечание. — Землетрясения. — Шакуфа. — Аргаван. — Ид-Курбан. — Абдул-Самад. — Его прибытие в Кабул. — Его арест. — Освобождение и назначение. — Его могущество. — Полковник Стоддарт. — Грозовые ливни. — Ветры. — Ход времени года. — Ранние овощи. — Досуг для исследований. — Известность Дост-Мухаммед-хана. — Его внешний вид в Газни. — Его популярность среди народа. — Мнения высших сословий.

ГЛАВА II. С. 17.

Сирафраз-хан. — Мать Дост-Мухаммед-хана. — Её красота и привлекательность. — Дост-Мухаммед-хан остаётся без должного образования. — Месть Фатех-хана за смерть отца. — Его успехи и возвышение. — Молодость Дост-Мухаммед-хана. — Мухаммед-Азем-хан. — Зависть визиря и его замечание. — Вероломство Дост-Мухаммед-хана. — Он ищет убежища в царском лагере. — Мухаммед-Азем-хан умиротворён. — Знакомство Дост-Мухаммед-хана с Джай Сингхом. — Распущенность Фатех-хана. — Бегство Джай Сингха в Пешавар. — Политика Фатех-хана. — Таджики Кохистана. — Их положение. — Назначение Дост-Мухаммед-хана в Кохистан. — Его действия. — Ходжу Ханджи заманивают в ловушку и убивают. — Убийство вождей Кох-Дамана. — Обращение с разбойничьими предводителями. — Улучшение положения в Кох-Дамане. — Продвижение Фатех-хана к Тагхау. — Осторожность Фатех-хана. — Возвращение Кашмира. — Встреча визиря с Ранджит Сингхом. — Продажа Аттака Ранджит Сингху. — Сражение при Хайдари. — Доблесть Дост-Мухаммед-хана. — Военные дарования Фатех-хана. — Его подозрительное поведение. — Деятельность его врагов. — Замысел экспедиции. — Возвращение Фатех-хана в Кабул. — Его торжество над врагами. — Поход на Герат. — Начало карьеры Хаджи-хана. — Дружба с Дост-Мухаммед-ханом. — Он помогает ему в нужде. — Захват Фироз-Дина. — Преступные действия Дост-Мухаммед-хана. — Бегство в Кашмир. — Шахзаде Камран. — Его характер. — Его зависть к Фатех-хану. — Предполагаемые намерения Фатех-хана. — Народные догадки. — Шахзаде Камрана побуждают действовать. — Упрёк его сестры. — Сражение визиря с Каджарами. — Его ранение и отступление. — Опасения Фатх-Али-шаха и его замечание. — Положение Афганистана. — Пленение Фатех-хана становится сигналом к распаду монархии. — Фур-Диль-хан попадает в плен к шахзаде Камрану. — Его назначают миром племени баракзаев. — Бегство в Андали. — Хаджи-хан отвергает предложения шахзаде. — Присоединяется к Фур-Диль-хану. — Сыновья Сирафраз-хана. — Их список и положение.

ГЛАВА III. С. 39.

Поход Камрана на Кабул. — Освобождение Дост-Мухаммед-хана. — Его возражения против бездеятельных намерений Мухаммед-Азем-хана. — Он вызывается выступить против Камрана. — Продвигается к Кабулу. — Атта-Мухаммед-хан. — Получает звание Мухтар-уд-Даулы. — Шах-Вали-хан. — Шир-Мухаммед-хан. — Его сменяет Вафадар-хан. — Притворяется парализованным. — Внезапное исцеление. — Интриги с суннитскими группировками. — Возведение на престол шаха Шуджа-уль-Мулька. — Возвращение Кашмира. — Поддержка принца Кайсара. — Гибель в Пешаваре. — Атта-Мухаммед-хан приглашает шаха Шуджа-уль-Мулька. — Заключает его под стражу. — Месть Камрана. — Переговоры Атта-Мухаммед-хана с Дост-Мухаммед-ханом. — Его предательство. — Ослепление. — Внезапное падение. — Осада Бала-Хисара. — Бегство принца Джахангира. — Приготовления в Герате. — Приближение Мухаммед-Азем-хана. — Недовольство Дост-Мухаммед-хана. — Провозглашение султана Али царём. — Гератское войско идёт на Кандагар. — Оттуда к Чахар-Асиабу. — Стремительное отступление. — Его причины. — Потеря Кандагара шахом Махмудом. — Мухаммед-Азем-хан приглашает шаха Шуджа-уль-Мулька. — Борьба с шахом Шуджа-уль-Мульком. — Возведение на престол шаха Айюба. — Распоряжения. — Поход на Шикарпур. — Дост-Мухаммед-хан вновь провозглашает султана Али. — Возвращение Мухаммед-Азем-хана. — Спор. — Предложение Дост-Мухаммед-хана султану Али. — Предложение Мухаммед-Азем-хана шаху Айюбу. — Удушение султана Али. — Рассеяние войска шаха Шуджа-уль-Мулька. — Изобретательность синдских эмиров. — Присутствие духа Мухаммед-Азем-хана. — Интриги в его лагере. — Злые намерения Дост-Мухаммед-хана и Шир-Диль-хана. — Отступление Мухаммед-Азем-хана. — Поход против сикхов. — Меры Ранджит Сингха. — Его предложения пешаварским вождям. — Бегство Джай Сингха. — Дост-Мухаммед-хан предлагает свои услуги Ранджит Сингху. — Мухаммед-Азем-хан обманут Яр-Мухаммед-ханом. — Замысел Дост-Мухаммед-хана относительно его сокровищ. — Нерешительность Мухаммед-Азем-хана. — Паника и рассеяние войска. — Ранджит Сингх занимает Пешавар. — Делит его между Дост-Мухаммед-ханом и Яр-Мухаммед-ханом. — Смерть Мухаммед-Азем-хана. — Его характер. — Хабибулла-хан. — Предсмертное наставление и просьба Мухаммед-Азем-хана. — Фур-Диль-хан прибывает в Кабул. — Его планы. — Безрассудство шаха Айюба. — Встреча Фур-Диль-хана с шахом Айюбом. — Сопrotивление шахзаде Исмаила. — Его убийство. — Низложение шаха Айюба. — Удаляется в Лахор. — Джабар-хан. — Его карьера. — Поражение в Кашмире. — Правитель гильзаев. — Его любезность к европейцам. — Пренебрежение Хабибулла-хана. — Попытки Дост-Мухаммед-хана. — Глупость Хабибулла-хана. — Отпадение его вождей. — Осада Бала-Хисара.

ГЛАВА IV. С. 68.

Кандагарские сардары выступают на помощь Хабибулла-хану. — Дост-Мухаммед-хан отступает. — Захват Хабибулла-хана. — Дост-Мухаммед-хан объявляет себя его мстителем. — Печальное состояние Кабула. — Благожелательное отношение к Дост-Мухаммед-хану. — Желание кандагарских сардаров схватить и ослепить его. — Спасение благодаря Хаджи-хану. — Новые соглашения. — Причуда Хаджи-хана. — Он поступает на службу к Дост-Мухаммед-хану. — Ошибки Султан-Мухаммед-хана. — Его слабое управление. — Дост-Мухаммед-хан осаждает его. — Он удаляется в Пешавар. — Ахмад-шах. — Его притязания. — Успехи среди юсуфзаев. — Оскорбляет пешаварских сардаров. — Они предают его. — Новые притязания братьев Дост-Мухаммед-хана. — Покорение Зурмата. — Возвращение в Кабул и встреча. — Передвижения сайида Ахмад-шаха. — Помощь Дост-Мухаммед-хана пешаварским братьям. — Безрассудства Хабибулла-хана. — Дост-Мухаммед-хан переманивает его сторонников. — Поражение наваба Джабар-хана. — Поход Дост-Мухаммед-хана в Тагхау. — Его опасения относительно Мазулы. — Смерть Мазулы. — Замыслы относительно Джелалабада. — Измена в войске Дост-Мухаммед-хана. — Соглашения. — Клятвы. — Возвращение к управлению гильзаями. — Замечания о характере Дост-Мухаммед-хана. — Его деловые способности.

— Его управление. — Замыслы шаха Шуджа-уль-Мулька. — Чувства народа. — Чувства Дост-Мухаммед-хана. — Отказ от предложения принять царский титул. — Прибытие посольства из Кундуза. — Посещение Мир-Алам-хана. — Намерения относительно Баджаура. — Слухи и сообщения.

ГЛАВА V. С. 92.

Изыскания. — Курган. — Находки. — Рукописи на листах туза. — Изображения. — Предположения. — Древность рукописей. — Тревога друзей. — Общение с Мухаммед-Акбар-ханом. — Его здравые замечания. — Анекдот о господине Муркрофте. — Скульптура доктора Джерарда. — Экскурсии. — Возвращение Хаджи-хана. — Его приём. — Посещение Хаджи-ханом Кундуза. — Гостеприимство Мир-Мухаммед-Мурад-бега. — Восстание в Бадахшане. — Алима Хаджи-хана. — Договор с Мухаммед-Мурад-бегом. — Ответы Рахматулла-бега. — Судьба пленников из Дех-Занги. — Прощальное замечание Рахматулла-бега. — Освобождение родственников Мир-Езданбахша. — Намёки Хаджи-хана им. — Замыслы Хаджи-хана. — Самандар-хан. — Благоразумие Дост-Мухаммед-хана. — Окончательное решение Хаджи-хана. — Упрёки Дост-Мухаммед-хана. — Ответ Хаджи-хана. — Угощение посланников и вождей. — Кража. — Саркастический совет Дост-Мухаммед-хана. — Хаджи-хан распускает своих людей. — Приписываемый ему замысел. — Хусейн-хан. — Замечание Хаджи-хана. — Передвижения Мир-Мухаммед-Мурад-бега. — Судьба Мухаммед-Али-бега. — Абдулла-хан.

ГЛАВА VI. С. 109.

Поездка по Кох-Даману и другим местам. — Наначи. — Мирза-Джафар-хан. — Перевал Керс-Хана. — Курганы. — Килла Кохчиан. — Назир Мир-Али-хан. — Его беседа и путешествия. — Несчастный случай. — Шакр-Дара. — Караван-сарай. — Бизади. — Бедак. — Ках-Дара. — Зиргаран. — Пещера. — Талук Ферза. — Секандар-шах. — Персидская надпись. — Водопад. — Примулы. — Килла Шахи. — Исталиф. — Восхитительный вид. — Зиярат Хазрат-Эшан. — Азхха. — Сады. — Талук Исталиф. — Мухаммед-Шах-хан. — Захват им Кабула. — Его смерть. — Боленд-хан. — Его казнь. — Истаргич. — Приближение к Чарикару. — Город Чарикар. — Торговля. — Уничтожение гуркхского батальона. — Хупиан. — Тутам-Дара. — Шеш-Бурджех. — Прошение. — Восьмидесятилетний больной. — Тавиз. — Суровость Дост-Мухаммед-хана. — Али-хан. — Его советы подданным. — Каналы. — Река Тутам-Дара. — Борьба и сдача Дост-Мухаммед-хана. — Сад султана Сингха. — История Султан-Сингха. — Его возвышение. — Заговор Мирзы Имам-Верди. — Ловкость Султан-Сингха. — Меры Хабибулла-хана. — Положение Султан-Сингха. — Захват им прежнего господина. — Предложение Малек-Иса-хана. — Султан-Сингх принимает яд. — Джах-Нимахи. — Топе-Дара. — Простодушие. — Неккак-Перида. — Компас. — Беглец из Хупиана. — Се-Яран. — Зиярат Дервиш. — Килла Курбан. — Жители Чарикара. — Шахмак. — Санджит-Дара. — Мухаммед-Джафар-хан. — Килла Мир-Сайид-хан. — Кабульский лекарь. — Цели поездки. — Килла Боленд. — Беграмская равнина. — Возвращение. — Белудж-хан. — Монеты. — Опасения народа. — Сообщения. — Килла Муса-хан. — Татаранг-Зар. — Каллахан. — Топе. — Чини-Хана. — Килла Раджпут. — Перевал Мама-Хатун. — Килла Илтафат-хан. — Перевал Пах-Минар. — Возвращение в Кабул.

ГЛАВА VII. С. 148.

Собрания монет. — Ревность. — Значение находок. — Древности. — Местоположение Беграма. — Горные цепи. — Окрестности Беграма. — Топе. — Характер Кохистана. — Великолепная панорама. — Границы Беграма. — Свидетельства. — Насыпи. — Курганы. — Камни. — Местоположение города. — Погребальные приношения. — Свидетельство Геродота. — Погребальные сосуды. — Предания. — Способы погребения. — Недостаток сведений. — Хупиан. — Канал Махигир. — Колония Тимура. — Упадок Беграма. — Значение названия Беграм. — Беграм Кабула. — Беграм Джелалабада. — Беграм Пешавара. — Этимология. —

Топе. — Древности Кохистана. — Парван. — Рег-Раван. — Места в Панджшире. — Пещеры в Ниджрау. — Следы древности в Тагхау. — Развалины в Горбанде. — Пещеры. — Зиярат.

ГЛАВА VIII. С. 171.

Господин Хонигбергер. — Его археологические занятия. — Доктор Джерард. — Приключения господина Хонигбергера. — Отправление в Джелалабад. — Ид-Гах. — Невежливость. — Бут-Хак. — Ущелье Сохта-Чинар. — Проводник-гильзай. — Се-Баба. — Барик-Аб. — Тагхау. — Санг-Тода-Бабур-Падишах. — Джигдалик. — Перевал Джигдалик. — Сурх-Пул. — Старый знакомый. — Рассказ Халин-хана. — Самучи. — Беспокойная ночь. — Смерть Халил-хана. — Гандамак. — Нимла. — Балла-Баг. — Татанг. — Подъём на Сиях-Кох. — Пещеры. — Каджари. — Горайчи. — Килла Кафр. — Водопады. — Обширный вид. — Святылище Лота. — Большие могилы. — Святылище Ламеха. — Мнения народа. — Библейские имена. — Пали. — Библейские и классические свидетельства. — Завоевания пали. — Древняя цивилизация. — Распространение их наук и языка. — Судебная астрология. — Всеобщность языка пали. — Названия местностей. — Святылища.

ГЛАВА IX. С. 203.

Замыслы Дост-Мухаммед-хана. — Движения шаха Шуджа-уль-Мулька. — Прибытие Мехер-Диль-хана. — Поездка Султан-Мухаммед-хана в Джелалабад. — Заговоры. — Уловки Дост-Мухаммед-хана. — Поборы. — Замыслы и встречные замыслы. — Раскрытие намерений. — Хаджи-хан отстранён. — Выступление Дост-Мухаммед-хана. — Мир-Афзаль-хан. — Его изобретательность. — Покорность Мухаммед-Осман-хана. — Меры Мухаммед-Земан-хана. — Штурм и взятие Джелалабада. — Разграбление города. — Прибытие наваба Джабар-хана. — Попытка убийства Дост-Мухаммед-хана. — Судьба убийцы. — Поведение Мухаммед-Земан-хана. — Его недавнее возвращение. — Распоряжение Джелалабадом. — Захват вождей Кунара и Лалпуры. — Абдул-Гияз-хан. — Его предполагаемая миссия в Индию. — Возражения Дост-Мухаммед-хана. — Тайный отъезд. — Спор в Даке. — Упрямство спутников. — Обращение к Садат-хану. — Его решение и послание. — Его разговор. — Его судьба. — Замечания по этому поводу. — Его преемник во власти. — Шельман-Хурд. — Мулла-Гори. — Разбойники. — Приём в Испинд-Санге. — Прибытие в Пешавар. — Запутанное положение дел. — Нелепые тревоги. — Договор шаха Шуджа-уль-Мулька. — Сикхи пользуются обстоятельствами. — Их сговор со сторонами. — Предложение сардарам. — Продвижение сикхской армии. — Соппротивление Хаджи-хана. — Взятие Пешавара. — Шутливость Хари-Сингха. — Отважное замечание Пир-Мухаммед-хана. — Распоряжения Абдул-Гияз-хана.

ГЛАВА X. С. 231.

Отъезд из Пешавара. — Переход к Шеханам. — Бывшие сардары. — Их разговор. — Любезность Фатех-Мухаммед-хана. — Стоянка. — Река Бара. — Народная доверчивость. — Отъезд в Минчини. — Тревога в пути. — Древний памятник. — Бадраги. — Минчини. — Гильзай. — Хайдар-хан. — Джалаваны. — Ужасное состояние реки. — Совецание. — Переправа через реку. — Ловкость Рахматуллы. — Шельман. — Набожность гильзая. — Равнина Шельман. — Перевал. — Просьба Бахадара. — Дака-Хурд. — Счастливый случай. — Поздравления. — Дака-Келан. — Лалпура. — Любопытный разговор. — Хурд-Хайбер. — Рассказ моманда. — Намерение моманда. — Хазарно. — Новое появление гильзая. — Ниса и гора Меру у Уилфорда. — Бассавал. — Гильзай и его шайка. — Необходимость действия. — Кохи-станцы. — Ночной переход. — Бати-Кот. — Сурх-Дивар. — Замок Чагатай. — Доброжелательность кохистанцев. — Мирза-Ага-Джан. — Его предположения. — Мои собственные догадки. — Дурная репутация гильзая. — Последующие попытки. — Возобновление исследований. — Подозрения. — Предосторожности.

ГЛАВА XI. С. 255.

Прибытие бывших сардаров Пешавара. — План Хаджи-хана. — Поход Дост-Мухаммед-хана к Кандагару. — Настроения в стране. — Восстание Гулистан-хана. — Его посла-

ние Амир-Мухаммед-хану. — Партия наваба Джабар-хана. — Его предложение Дост-Мухаммед-хану. — Письмо к шаху. — Неосмотрительность шаха. — Сражение близ Кандагара. — Бегство шаха. — Судьба его последователей. — Ошибки похода. — Перехваченная переписка. — Злодейство Абдул-Самада. — Желание Дост-Мухаммед-хана. — Положение дел в Кабуле. — Письмо от Камрана. — Поведение кандагарских сардаров. — Возвращение в Кабул. — Смерть Амир-Мухаммед-хана. — Шамсуддин-хан. — Действия бывших пешаварских сардаров. — Занятие Джелалабада. — Отречение от действий своих офицеров. — Встреча с Дост-Мухаммед-ханом. — Письмо к Ранджит Сингху. — Предложения Камрана шаху Шуджа-уль-Мульку. — Недоверие шаха. — Бегство в Лаш, Систан, Белуджистан. — Преследование шаха. — Великодушие Мехраб-хана. — Отступление шаха к Зехри и Багу. — Честность Самандар-хана. — Его смерть. — Приём шаха в Хайдарабаде. — Возвращение в Лудиану. — Письмо Дост-Мухаммед-хана в Лудиану. — Ответ. — Назойливость сайида Керамат-Али. — Обещание Дост-Мухаммед-хана. — Затруднительное положение сайида. — Его изобретательность. — Его удача.

ГЛАВА XII. С. 273.

Начало поездки в Кунар. — Бисут. — Токчи. — Топе. — Пулвари. — Базарак. — Хона-Дех. — Малек-Шафи. — Кохистанцы. — Хушаль-хан. — Топе Хона-Деха. — Килла-Падишах. — Фатех-Мухаммед-хан. — Исламабад. — Сайид Хиссам и его дамы. — Их принимают за базигаров. — Древности Исламабада. — Дорога в Читрал. — Дара-Нур. — Баркот и Даминдж. — Неудача Мухаммед-Земан-хана. — Семейство Кази-Хель. — Кровная вражда. — Билангяр. — Бисут. — Возвращение в Татанг. — Поездка в Лагман. — Килла Кафр. — Чахар-Баг. — Кергах. — Мандаравар. — Тиргари. — Реки Алишанг и Алингар. — Мумджума. — Намзат-Бази. — Смертельный случай. — Зиярат Метар-Лам-Сахиб. — Гробница. — Фантазии Уилфорда. — Местные предания. — Сон султана Махмуда. — Открытие могилы Ламеха. — Древние следы. — Кох-Кариндж. — Алишанг. — Наджил. — Малек-Осман. — Салех-Рана-Кот. — Рубины. — Алингар. — Дара-Ниязи. — Доходы Лагмана. — Пространство обработанной земли. — Урожаи. — Угри. — Светляки. — Жители. — Искусные земледельцы. — Забавный рассказ. — Несчастье Мухаммед-Акбар-хана. — Топе Мурхи-Хель. — Догадки. — Нокар-Хель. — Мурхи-Хель. — Джаджи. — Насрулла. — Курган Нокар-Хеля. — Отправление в Кабул. — Терикки. — Прибытие в Кабул.

ГЛАВА XIII. С. 305.

Намерение Дост-Мухаммед-хана принять царское достоинство. — Взгляды и мнения различных партий. — Отъезд Султан-Мухаммед-хана. — День коронации. — Церемония. — Увещевания. — Замечания его подданных. — Поведение Дост-Мухаммед-хана. — Его оправдание. — Приготовления к войне. — Ловкость хан-муллы. — Ограбление индусов. — Обращение Мухаммед-Осман-хана. — Намерения Дост-Мухаммед-хана. — Поборы с мусульман. — Смерть Сабз-Али. — Размер поборов. — Выступление войск. — Отъезд Хаджи-хана. — Состояние погоды. — Мирза-Узур. — Мухаммед-Кули-хан. — Продвижение к Джелалабаду. — Разбойники у Се-Баба. — Джигдалик. — Бедственное положение Мухаммед-Кули-хана. — Гандамак. — Дарунта. — Смерть наиба Яр-Мухаммеда. — Письма из Лудианы. — Двусмысленный характер службы. — Невежливость наваба. — Отъезд сайида Керамат-Али. — Его тактика. — Его намерения. — Его нападение на Ранджит Сингха. — Деликатные обязанности. — Вред, причинённый поведением сайида Керамат-Али. — Афганские представления о служебном этикете.

ГЛАВА XIV. С. 327.

Покушение на амира. — Его тревога. — Письмо генерал-губернатора. — Взгляды правительства и капитана Уэйда. — Начало переписки с Персией. — Мухаммед-Хусейн. — Письмо Аллах-Яр-хана. — Продвижение амира. — Его молитва в Али-Багане. — Предсказания. — Сны. — Миссия господина Харлана. — Письмо Султан-Мухаммед-хана. — Пир-

Мухаммед-хан перехвачен. — Депутация наваба. — Присоединение Султан-Мухаммед-хана. — Хайберские вожди. — Движения Ранджит Сингха. — Переговоры. — Перемирие. — Хитрость амира. — Гнев Пир-Мухаммед-хана. — Заключение Пир-Мухаммед-хана. — Различные советы. — Прибытие Ранджит Сингха. — Его энергия и распоряжения. — Миссия в афганский лагерь. — Амир решает отступить. — Предложения Султан-Мухаммед-хану. — Сикхские посланники переданы Султан-Мухаммед-хану. — Отступление амира. — Прибытие в Хайбер. — Поведение Султан-Мухаммед-хана. — Поиски Султан-Мухаммед-хана. — Письма от Султан-Мухаммед-хана. — Распоряжения относительно армии. — Возвращение амира в Кабул. — Гнев Мирзы-Сами-хана. — Пагубные последствия неразумной политики амира.

ГЛАВА XV. С. 349.

Упрёки амира. — Его замыслы. — Состояние Кабула. — Интриги и заговоры. — Сокращения расходов. — Разговоры Хаджи-хана. — Нерешительность наваба. — Предложения из Лудианы. — Их действие в Кабуле. — Результаты. — Ловкость сэра Джона Хобхауса. — Ожесточённость интриг. — Письмо капитана Уэйда. — Прибытие Рашида Ахундзады. — Проскрипционные списки. — Хитроумие Рашида Ахундзады. — Удаление Мирзы-Сами-хана. — Предосторожности преданных лиц. — Опасность моего положения. — Встречи с амиром. — Рашид Ахундзада выступает против планов амира. — Бесплодные возражения амира. — Абдулла-хан отдан на разграбление. — Захват и ограбление Абдулла-хана. — Раскаяние амира. — Возвращение имущества. — Недовольство народа. — Вмешательство капитана Уэйда. — Отказ от назначения. — Уступки Ранджит Сингха Султан-Мухаммед-хану. — Письма из Пешавара. — Готовность наваба быть обманутым. — Встреча с амиром. — События 1836 года. — Череда интриг и тревог. — Планы амира. — Его попытки привлечь Мухаммед-Осман-хана. — Внезапная паника. — Совет Хаджи-хана. — Хан и его кредиторы-индусы. — Финансовые меры амира. — Передвижения сикхов и Камрана. — Размышления Хаджи-хана о времени. — Отъезд Пир-Мухаммед-хана. — Покушение на его убийство. — Препятствия на пути его отступления. — Письма из Индии. — Возобновление обязанностей. — Отношения между Кабулом и Лудианой. — Возобновление переписки с Персией. — Хаджи-Ибрахим. — Хусейн-Али. — Иван Виктевич. — Его арест, освобождение и отправка из Бухары. — Его намерения и заявления. — Замыслы Абдул-Саада. — Его влияние в гареме амира. — Уклончивость амира. — Путешествие в Татанг.

ГЛАВА XVI. С. 381.

Нападения Хари-Сингха. — Приготовления к их отражению. — Отправка войск в Желалабад. — Планы нападения. — Покушение на амира. — Ответная мера Мухаммед-Акбар-хана. — Поход в Хайбер. — Канонада Джамруда. — Нападение Хари-Сингха. — Поражение афганцев. — Возобновление битвы Шамсуддин-ханом. — Опасность для сыновей амира. — Подвиг Мухаммед-Акбар-хана. — Смертельное ранение Хари-Сингха. — Отступление сикхов. — Молитвы Мирзы-Сами-хана. — Смерть Хари-Сингха. — Его бесстрашие. — Споры в афганском лагере. — Ссора Абдул-Саада с Мир-Афзаль-ханом. — Отступление афганской армии. — Деяния Хаджи-хана в Доабе. — Послания Лена-Сингха. — Письма Хаджи-хана в Кабул. — Борьба с Лена-Сингхом. — Отступление Хаджи-хана. — Его предложения в Желалабаде. — Его предательство. — Наглость Абдул-Саада. — Его разжалование и увольнение. — Встреча с амиром. — С Мухаммед-Акбар-ханом. — Совет Мирзы-Сами-хана. — Переписка сикхов с афганцами. — Возвращение в Кабул. — Приключение в Джигдалике. — Приём Мухаммед-Акбар-хана в Кабуле. — Увольнение Хаджи-хана. — Его приём в Кандагаре. — Его связь с британцами. — Его соглашение с Гулу. — Преследование им Дост-Мухаммед-хана. — Его окончательная судьба. — Недовольство амира газнийскими вождями. — Замечание Зерин-хана. — Причины недовольства. — Отстранение Шамсуддин-хана. — Возражения кандагарских сардаров. — Предполагаемые планы амира. — Торжество амира.

ГЛАВА XVII. С. 403.

Отношения между Кабулом и Индией. — Письма лорду Окленду. — Извещение о миссии капитана Бёрнса. — Письма капитана Уэйда. — Ответы. — Лудианский «Ахбар». — Дальнейшие письма капитана Уэйда. — Ответы. — Персидский посланник. — Русские письма. — Фирман Мухаммед-шаха. — Частное письмо Хаджи-Ибрахима. — Письма капитана Уэйда. — Затруднения Камбер-Али. — Кандагарский договор. — Лейтенант Виктевич. — Прибытие Мухаммед-Хусейна в Кабул. — Его нелепые разговоры. — Письма капитана Бёрнса и капитана Уэйда. — Встреча с амиром. — Благоприятное расположение Ранджит Сингха. — Ночная встреча с амиром. — Совет наваба. — Отъезд лейтенанта Поттинджера из Кабула. — Замечания о его пребывании в Герате. — Осада Герата. — Предостережение генерал-губернатора. — Результаты.

ГЛАВА XVIII. С. 430.

Представления капитана Бёрнса о своей миссии. — Несостоятельность замысла об открытии Инда. — Замечания о торговых миссиях. — Моя переписка. — Письма капитана Бёрнса. — Его прибытие в Кабул. — Недостаточность инструкций. — Ревность капитана Уэйда. — Препятствия. — Преимущества. — Изложение моих взглядов. — Благоприятные совпадения мнений.

ГЛАВА XIX. С. 451.

Разговоры капитана Бёрнса. — Его скромность. — Визит Мирзы-Сами-хана. — Решения амира и его советников. — Их раскрытие. — Моё несогласие. — Мнение наваба. — Сущность вопроса. — Извещение капитана Бёрнса о предложениях. — Рекомендации лорду Окленду. — Неоправданные опасения относительно Персии. — Заблуждение капитана Бёрнса относительно амира. — Небрежность капитана Бёрнса. — Спор о прерогативе. — Прибытие Виктевича. — Его подозрительные верительные грамоты. — Смятение капитана Бёрнса. — Его неосторожные признания. — Хусейн-Али. — Мнения в Кабуле. — Ответы правительства. — Отправление лейтенанта Лича в Кандагар. — Отказ от предложений Дост-Мухаммед-хана. — Затруднительное положение миссии. — Отсутствие наваба. — Гнев Дост-Мухаммед-хана. — Неприятное пребывание в Кабуле. — Письмо председателя Совета директоров. — Встреча с Мирзой-Сами-ханом. — Его замечания. — Предписание покинуть Кабул. — Беседы на дарбаре. — Решение уехать. — Предложения арестовать капитана Бёрнса. — Нападение на мой дом. — Доброжелательность жителей. — Прощальная встреча с Мирзой-Сами-ханом. — Замечания о миссии. — Афганская переписка. — Обманчивые сведения и сообщения. — Цель Виктевича. — Его ответ Дост-Мухаммед-хану. — Его возвращение в Кандагар. — Абу-хан. — Хаджи-Хусейн-Али-хан, персидский посол.

ГЛАВА XX. С. 483.

Продвижение в Пешавар. — Капитан Бёрнс вызван в Лахор. — Письмо капитана Бёрнса. — Ответ правительства. — Неудовлетворительная служба. — Письма капитана Бёрнса. — Письмо господина Макнотена. — Мои рекомендации. — Планы правительства. — Их развитие. — Господин Макнотен добровольно предлагает свои услуги. — Его карьера и судьба. — Еврей. — Русский шпион доктора Лорда. — Представление капитана Бёрнса лорду Окленду. — Записка господина Колвина. — Моё подчинение. — Оскорбительные сообщения. — Отказ от службы. — Экскурсия. — Путешествие в Лахор и Ферозпур. — Плавание вниз по реке. — Письмо господина Макнотена. — Встреча с сэром Александром Бёрнсом. — Предложения лорда Окленда. — Неискренность капитана Бёрнса. — Рассказ доктора Лорда. — Рассказ сэра Александра Бёрнса. — Обращение господина Макнотена. — Ссоры. — Заключение.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО БЕЛУДЖИСТАНУ, АФГАНИСТАНУ И ПЕНДЖАБУ

ГЛАВА I

Сайид Керамат-Али. — Его приключение. — Услуги наваба Джабар-хана. — Лейтенант Конолли. — Награда сайида Майхина. — Её причины. — Предложение правительства сай-

иду Керамат-Али. — Его переписка с капитаном Уэйдом. — Его рекомендация. — Суровость зимы. — Признаки весны. — Общее таяние снегов. — Тёплый и холодный снег. — Разрушение домов. — Назар Баба-Адам. — Весенние цветы. — Водоплавающие птицы. — Мошки. — Чукри. — Раваш. — Подъём воды в реке. — Приказ Дост-Мухаммед-хана. — Остроумное замечание. — Землетрясения. — Шакуфа. — Аргаван. — Ид-Курбан. — Абдул-Самад. — Его прибытие в Кабул. — Его арест. — Освобождение и назначение. — Его могущество. — Полковник Стоддарт. — Грозовые ливни. — Ветры. — Ход времени года. — Ранние овощи. — Досуг для исследований. — Известность Дост-Мухаммед-хана. — Его внешний вид в Газни. — Его популярность среди народа. — Мнения высших сословий.

Через несколько дней после моего возвращения в Кабул меня удивило посещение человека, представившегося сайидом Керамат-Али, агентом верховного правительства Индии. Он рассказал мне о своих путешествиях в качестве спутника лейтенанта Артура Конолли и о своих приключениях в Кабуле. Оказалось, он желал сохранить инкогнито, но одно письмо, предназначенное для Герата, было перехвачено, вследствие чего открылись его присутствие и характер поручения, и он оказался заключён в банди-хану, или тюрьму Дост-Мухаммед-хана. Наваб Джабар-хан с радостью воспользовался представившейся возможностью проявить расположение к европейцам и людям, связанным с ними, и заметил брату, что тот довольно странным способом выражает желание установить дружеские отношения с сахибами Индии, помещая под стражу первого же их агента, прибывшего в Кабул. Вождь улыбнулся, признал справедливость упрёка наваба и приказал привести сайида, чтобы выслушать его объяснения. Тот рассказал, что единственное его дело — собирать известия об Аббас-Мирзе и его передвижениях. Дост-Мухаммед-хан заметил: «Очень хорошо, они интересуют также и меня; смотрите только, ничего не пишите обо мне». Наваб с радостью увёл сайида и поселил его в комнатах собственного дома, где под покровительством этого доброго человека тот в полной безопасности и без всяких стеснений продолжал свою деятельность.

Поскольку назначение этого сайида стало первым шагом в отношениях между правительством Индии и вождями баракзаев, полезно будет отметить причины, которые к этому привели, и объяснить характер самого назначения. Путешествия лейтенанта Артура Конолли известны публике. Я их никогда не читал, но знаю, что в Герате он столкнулся с затруднениями, из которых ему помог выйти сайид Майхин-шах из Пешина, сопровождавший его в Калькутту и получивший щедрое вознаграждение. Поскольку в Афганистане считали, что сайид воспользовался бедственным положением лейтенанта Конолли не меньше, чем помог ему, необычайная щедрость, оказанная ему, вызывала удивление; и я не мог вполне понять её, пока сам этот офицер не рассказал мне в 1840 году, что заслуга сайида заключалась в помощи одному из родственников тогдашнего секретаря Макнотена. Справедливости ради следует прибавить, что сайид не оказался недостойным или неблагодарным за полученные дары; однако, если бы он был полезен какому-нибудь другому лицу, возможно, его заметили бы с гораздо меньшей благосклонностью.

Поскольку правительство уже приняло участие в судьбе сайида Майхина, оно сочло себя обязанным распространить покровительство и на сайида Керамат-Али, спутника лейтенанта Конолли; ему предложили отправиться в Кандагар и время от времени представлять отчёты о действиях Аббас-Мирзы. Полагаю, правительство тогда придавало мало значения передвижениям наследного принца Персии и лишь приняло предложение самого сайида, который, однако, возражал против Кандагара и предпочёл Кабул; на это согласились с условием, чтобы он даже не сообщал о происходившем там. Когда сайид прочно обосновался в Кабуле и завёл более или менее тесные отношения с местными партиями, он стал включать в донесения некоторые сведения, за которые получил выговор от капитана Уэйда, политического агента в Лудиане, которому они адресовались; но впоследствии этот чиновник сообщил ему, что такие предметы представляют интерес, равно как и любые замечания по их поводу, и, таким образом

ободрённый, сайид, несомненно, делал то, чего от него желали. На основании его собственных слов могу утверждать, что он рекомендовал образование нового президентства, столицей которого предлагал сделать Хайдарабад в Синде. Сайид отличался свободомыслием в религиозных вопросах, быть может более значительным, нежели было необходимо или прилично; и с приближением месяца Рамазана он проводил со мной много времени, поскольку не любил поститься, а в доме наваба, ради соблюдения приличий, не мог открыто обнаруживать этого.

На протяжении января и февраля суровость погоды была чрезвычайной. Не имея термометра, я не мог измерить падение температуры, но последствия показывали, что она должна была опускаться очень низко. Медные сосуды лопались по ночам, а вино, что случается редко, замерзало. В последние дни февраля наступила оттепель, а 1 марта заметили ласточку, которую приветствовали как предвестницу весны. Около середины февраля на базарах стали продавать диких уток и воробьёв, а вскоре появился и палак, или шпинат, вместе с нежными ростками так называемого рыбьего растения, употребляемыми здесь как овощи и собираемыми на обращённых к солнцу склонах холмов.

С наступлением марта перемена погоды стала весьма ощутимой. Вода перестала замерзать, и пошли смешанные дожди со снегом. К Ноурузу началось общее таяние снегов, и хотя чистый снег выпадал ещё 21 марта, он уже не лежал на земле. Земледельцы считают благоприятной зиму с обильными снегопадами, поскольку снег, как полагают, повышает плодородие почвы и защищает посеянное осенью зерно, из которого развиваются весенние всходы. Однако здесь различают два вида снега: тёплый и холодный; первый считают полезным, второй вредным. Под тёплым снегом в сущности понимают обычный чистый снег, а под холодным — смерзшийся или обледеневший. Для городских жителей чрезмерное обилие хлопьев представляет не только неудобство, но и источник более тяжёлых бедствий. Теперь, когда наступила оттепель, глинобитные стены домов совершенно пропитались влагой, их основания не выдерживали тяжести верхних частей, и очень многие строения обрушились. Каждое такое происшествие сопровождалось страшным грохотом. По соседству со мной разрушились два или три жилища. Среди этих несчастий утешало сознание, что жители почти совсем не получали увечий: казалось, человеческую жизнь оберегала какая-то спасительная сила. Дети, как это обычно бывает во время бедствий, выходили на крыши домов, призывая заступничество перед небом своего Пророка и святых.

К 28 марта поля за городом настолько освободились от снега, что отпраздновали ежегодный сельский праздник, называемый Назаром, или приношением Баба-Адаму. В этот день земиндары, или земледельцы, впрягают волов в плуги и упражняют животных перед началом работ нового года. День заканчивается празднествами.

Начало апреля отличалось сухими заморозками, и один или два раза вода слегка покрывалась льдом. Теперь я мог удлинять прогулки за городскими воротами и наблюдать пробуждение различных весенних цветов, украшающих луга и подножия холмов. Среди множества видов первыми появляются луковичные. Самый ранний цветок называется «Гуль Ноуруз», цветок нового года. Он даёт крошечные жёлтые цветки, но настолько многочислен, что одевает любимые им невысокие холмы в золотой наряд. Водоплавающие птицы теперь в изобилии появлялись на болотах вокруг города, куда часто приходили шикари, или охотники на птиц. Сокольные сардара заходили в воду и время от времени спускали ловчих птиц. Я наблюдал и другой способ преодолеть осторожность дичи. Двое мужчин с джезайлями, длинными тяжёлыми мушкетами, крались за волом, которого направляли в сторону птиц, а подойдя достаточно близко, спокойно стреляли поперёк спины животного. В этом месяце вновь появлялись многие птицы, удалявшиеся с наступлением зимы: ласточки, голуби, трясогузки и мургсулиман; жаворонок также возобновлял свои песни. Мухи, мошки и наконец бабочки порхали в весенних солнечных лучах. Мошки обычно не досаждают жителям Кабула, однако в эту пору на берегах болот и топей их рождается великое множество. Вечером, когда в воздухе

их летают мириады, разумнее избегать этих мест. Около середины апреля с Пагманских гор начали доставлять чукри, или зелёные черешки листьев ревения. Через неделю за ними последовал раваш, то есть выращенные в тени и отбелённые черешки. Жители радовались появлению одного из любимых лакомств. Теперь на рынках можно было видеть и кориандр, выращиваемый в городских садах и употребляемый как овощ. 10 апреля река, протекающая через город, настолько поднялась от таяния снегов, что возникло опасение выхода воды из берегов. Царила сильная тревога, и жители кварталов, наиболее подверженных опасности, переносили имущество, многие — в Бала-Хисар. Дома моих друзей-армян оказались набиты вещами их знакомых. Глашатаи объявляли по всем базарам приказ сардара, согласно которому каждый человек должен был принести четыре камня для сооружения и укрепления дамб или заграждений. Остроумцы замечали, что, прикажи Дост-Мухаммед-хан принести «се санг», или три камня вместо четырёх, распоряжение исполнили бы все. У афганцев принято, изгоняя жён, последовательно бросать на землю три камня, одновременно произнося: «Йек талак, до талак, се талак», то есть один развод, два развода, три развода. Тот же обычай соблюдается при прекращении дружбы или любых отношений с кем-либо.

17 апреля внимание на короткое время привлекло слабое землетрясение; 19 апреля последовало гораздо более сильное. Я несколько привык к этим явлениям, но так и не примирился с ними окончательно. Здесь считают правильным и почтительным к воле небес спокойно сидеть во время толчков. Когда стропила моей комнаты дрожали и гремели над головой, я невольно думал, что снаружи было бы безопаснее. Обыкновенно толчок бывает столь краток, что заканчивается почти в тот же миг, когда его замечают. Ивы уже покрылись листвой, а на многих деревьях стали появляться первые листья. Однако главным украшением месяца была шакуфа, или цветение плодовых деревьев. Сады наполнялись компаниями, приходившими полюбоваться восхитительными картинами и насладиться ими. Окрестности города в это время действительно прекрасны, но воображению трудно представить чарующие виды живописных долин Пагмана и Кох-Дамана. В цветниках и при зияратах распускались наркис, или нарцисс, и замбак, или душистый аир, а на холмах бесчисленными разновидностями очаровывала лала, или дикий тюльпан. Возле некоторых зияратов великолепное дерево аргаван, покрытое кистями красных цветов, придавало горному пейзажу почти волшебный вид. Это дерево редко встречается в Кабуле, например у Панджа-Шах-Мирдана, Джахан-База, Хеддара и Бабур-Бадшаха, но в изобилии растёт в местности Се-Яран, или Трёх Друзей, и между нею и Топе-Дарой близ Чарикара в Кохистане. Это место, кроме того, упоминает Бабур, приказавший построить здесь летний павильон и посадить несколько чинар, или платанов, возможно, тех самых, которые видны там сейчас. Отсюда открывается широкий вид, и место как нельзя лучше подходило для его праздничных развлечений, позволяя в надлежащую пору наслаждаться сказочным зрелищем цветущих аргаванов. Они покрывают возвышения до подножия гор и благодаря занимаемому ими пространству во время цветения создают поистине великолепную картину, которая, быть может, объясняет местное выражение, что равнина объята огнём. Я не уверен, что это за дерево — аргаван, и какова его родина, поскольку для Се-Ярана оно пришлое и уже отсюда было перенесено в кабульские зияраты. Его стволы и ветви покрываются кистями ярко-розовых цветов, за которыми появляются стручки с семенами. Листья несколько напоминают листья сирени. Бабур или его переводчик, кажется, упоминает два арганана: красный и жёлтый. Последний представляет собой совсем иное растение и неправильно называется аргаваном. Оно встречается на всех равнинах этой страны, а также в Белуджистане и Персии. В последней его называют махак. Это кустарниковое растение с кистями жёлтых цветов, похожих на гороховые, и сложными очередными листьями. Оно принадлежит к множеству природных предметов, чьей красотой пренебрегают лишь потому, что они не редкость. Аргаван — небольшое дерево.

В конце апреля празднование Ид-Курбана, или великого мусульманского праздника в память о торжестве веры Авраама, дало повод для большой пышности и увеселений. День начался артиллерийскими салютами, а сардар в парадном облачении отправился в Ид-Гах за пределами города и совершил общую молитву. Он воспользовался случаем, чтобы пожаловать великолепный хилат, или почётное одеяние, печально известному Абдул-Самаду.

Следует отметить, что этот человек прибыл из Пешавара в марте. Распутный искатель приключений, родом из Тебриза, он успел громко прославиться своими деяниями во всех посещённых странах, как и на родине, откуда был вынужден бежать. Он побывал в Багдаде, Индии, Синде и Пенджабе. В Пешаваре он снискал расположение Султан-Мухаммед-хана и получил поручение сформировать пехотный батальон. Его беспринципные поступки и дерзость нажили ему множество врагов, и, опасаясь последствий начавшихся разбирательств, он бежал и сумел добраться до Кабула. Дост-Мухаммед-хан не был убеждён, что тот действительно боялся Султан-Мухаммед-хана, и подозревал, что он прибыл с каким-нибудь зловещим намерением, действуя в согласии с этим вождём. Приняв его самым любезным образом, он приказал схватить его и наложить арест на его имущество. Сардару, в самом деле, говорили, будто Абдул-Самад владеет примерно пятьюдесятью тысячами дукатов. Конфискация обнаружила около шестисот рупий, и сардару стало стыдно за своё столь бесплодное нарушение законов гостеприимства. Абдул-Самад между тем не сидел сложа руки. Даже находясь под стражей, он через посредство певицы, престарелой кинчини, сумел заручиться расположением одной из жён сардара, матери Мухаммед-Акбар-хана. Он велел объяснить ей, сколь полезен мог бы оказаться в случае какого-либо несчастья с сардаром для обеспечения престола за её сыном, которому едва ли удалось бы занять место отца без противодействия со стороны дядей и даже собственных братьев. Любящая мать побудила сына вступить за Абдул-Самада, которого не только освободили, но и передали ему плохо организованный батальон, состоявший под началом некоего шаха Мухаммед-хана, поручив привести его в порядок и усовершенствовать. Вскоре этот авантюрист приобрёл в Кабуле такую же безраздельную власть, какой пользовался в Пешаваре, и его влияние, казалось, доказывало, что Дост-Мухаммед-хан ничуть не превосходил своего брата ни здравомыслием, ни нравственными принципами. Если кому-нибудь хотелось верить, что кабульский правитель — добрый человек, его связь с Абдул-Самадом опровергала это предположение и свидетельствовала об обратном. Зная о многочисленных злодеяниях этого человека, он мог держать его при себе лишь как пригодное и всегда готовое орудие злодейства. Должно быть, в душе сардара существовало немалое сходство склонностей с этим негодяем, если он ради столь порочной личности решился поставить под угрозу собственную репутацию и открыто пренебречь общественным мнением. Не было бы никакой нужды упоминать о таком человеке на этих страницах, если бы впоследствии он не придал пагубного направления политике Кабула.

В дальнейшем мне ещё представится случай упомянуть о нём и коснуться обстоятельств, приведших к его изгнанию из Кабула. Оттуда он отправился в Бухару и, как ни странно, приобрёл там столь же значительную способность творить зло, как прежде в Кабуле или Пешаваре, несомненно потакая нечистым привычкам, позорящим нынешнего правителя. Судя по дошедшим известиям о заключении и обращении с нашим соотечественником полковником Стоддартом, я опасаясь, что он немало пострадал от злодейства Абдул-Самада, хотя имеются сообщения, если не письма, самого несчастного офицера, согласно которым Абдул-Самад оказывал ему помощь. Покровительство подобного человека само по себе является бедствием.

Май начался неустойчивой и переменчивой погодой. Проходили ливни, иногда сопровождавшиеся градом и громом. Хотя на Пешаварской равнине грозы следуют почти непрерывно и порой доходят до Джелалабада, в Кабуле они редки. Ими могут отмечаться начало весны и конец осени. Для мая были характерны также сильные северные и северо-западные ветры, которых опасались владельцы садов. В этом месяце распускаются розы, а множество

других цветов делает прогулки по садам ещё привлекательнее. Бабур-Бадшах теперь становится восхитительным местом, однако лишь в июне цветочное великолепие Кабула раскрывается вполне, а его рощи окончательно покрываются листвой. В середине мая салат становится приятным дополнением к овощам, продаваемым на базаре, а незрелые сливы и абрикосы, которые здесь едят все сословия и не считают вредными для здоровья, в изобилии поступают на рынки. Кресс-салат, редис и огурцы также имеются в большом количестве.

Досуг, которым я располагал во время своего пребывания в Кабуле в этот период, позволил мне лучше узнать мнения о Дост-Мухаммед-хане, равно как и познакомиться с историей его жизни, которую прежде я знал лишь несовершенно. Поскольку с тех пор он привлёк к себе столь значительное внимание общественности, даже за пределами своей страны, краткий очерк его истории, возможно, многим не покажется здесь неуместным, тем более что ошибочные суждения о его характере, по-видимому, довольно распространены, а обстоятельства принесли ему известность, которой он не заслуживал ни добродетелями, ни способностями; впрочем, как афганский правитель он, быть может, заслуживал уважения и даже превосходил большинство своих современников.

Когда я впервые увидел его в Газни, в 1827 году, он был высок и худощав, а выражение его лица явно свидетельствовало о лежавших на нём заботах. Его отличало простое белое льняное платье, резко контрастировавшее с щегольскими плащами и одеждами окружавших его вождей, расшитыми золотом. Среди низших слоёв своих подданных он пользовался несомненной популярностью, и в то время у меня не было возможности узнать чувства людей более высокого положения. На пути из Кандагара, встречая людей и расспрашивая их о новостях из Кабула, мы неизменно слышали один ответ: там «абад ва фариман», то есть процветание и изобилие. Все единодушно приписывали это благополучие «инсафу», или справедливости Дост-Мухаммед-хана. Уже прибыв в Кабул, я однажды прогуливался по направлению к лугам Чахар-Деха и услышал, как один человек жаловался другому, что кто-то сбросил его ребёнка с крыши, сломав ему руку. Его спросили, не умер ли Дост-Мухаммед-хан. На жалобы о несправедливости едва ли находился более частый ответ, чем напоминание, что Дост-Мухаммед-хан ещё жив. Эти случаи показывают, как высоко ценили его некоторые слои населения. Вскоре, однако, я обнаружил, что среди родственников и зависимых от него вождей он не пользовался подобной репутацией, ибо они придерживались совершенно иного мнения о нём и его достоинствах. Они считали его мнимую умеренность и любовь к правосудию лишь прикрытием честолюбивой политики и видимостью, необходимой, чтобы удерживать своих сторонников вместе и мешать им строить козни и объединяться с его братьями в Кандагаре и Пешаваре.

ГЛАВА II

Сирафраз-хан. — Мать Дост-Мухаммед-хана. — Её красота и привлекательность. — Дост-Мухаммед-хан остаётся без должного образования. — Месть Фатех-хана за смерть отца. — Его успехи и возвышение. — Молодость Дост-Мухаммед-хана. — Мухаммед-Азем-хан. — Зависть визиря и его замечание. — Вероломство Дост-Мухаммед-хана. — Он ищет убежища в царском лагере. — Мухаммед-Азем-хан умиротворён. — Знакомство Дост-Мухаммед-хана с Джай Сингхом. — Распущенность Фатех-хана. — Бегство Джай Сингха в Пешавар. — Политика Фатех-хана. — Таджики Кохистана. — Их положение. — Назначение Дост-Мухаммед-хана в Кохистан. — Его действия. — Ходжу Ханджи заманивают в ловушку и убивают. — Убийство вождей Кох-Дамана. — Обращение с разбойничьими предводителями. — Улучшение положения в Кох-Дамане. — Продвижение Фатех-хана к Тагхау. — Осторожность Фатех-хана. — Возвращение Кашмира. — Встреча визиря с Ранджит Сингхом. — Продажа Аттака Ранджит Сингху. — Сражение при Хайдари. — Доблесть Дост-Мухаммед-хана. — Военные дарования Фатех-хана. — Его подозрительное поведение. — Деятельность его врагов. — Замысел экспедиции. — Возвращение Фатех-хана в Кабул. — Его торжество над врагами. — Поход на Герат. — Начало карьеры Хаджи-хана. — Дружба с Дост-Мухаммед-ханом. — Он

помогает ему в нужде. — Захват Фироз-Дина. — Преступные действия Дост-Мухаммед-хана. — Бегство в Кашмир. — Шахзаде Камран. — Его характер. — Его зависть к Фатех-хану. — Предполагаемые намерения Фатех-хана. — Народные догадки. — Шахзаде Камрана побуждают действовать. — Упрёк его сестры. — Сражение визиря с Каджарами. — Его ранение и отступление. — Опасения Фатх-Али-шаха и его замечание. — Положение Афганистана. — Пленение Фатех-хана становится сигналом к распаду монархии. — Фур-Диль-хан попадает в плен к шахзаде Камрану. — Его назначают миром племени баракзаев. — Бегство в Андали. — Хаджи-хан отвергает предложения шахзаде. — Присоединяется к Фур-Диль-хану. — Сыновья Сирафраз-хана. — Их список и положение.

Дост-Мухаммед-хан — один из младших сыновей Сирафраз-хана, сардара племени баракзаев, убитого по приказу шаха Земана в Кандагаре в 1799 году. Подобно всем порядочным дурранийским вождям, Сирафраз-хан имел множество жён, самого различного происхождения и положения, и многочисленное потомство от них. Мать Дост-Мухаммед-хана происходила из семейства джаванширов и, надо полагать, была красива и привлекательна, поскольку в последние годы она стала любимой женой в гареме и единственной из женщин, которой, когда во время похода наступала её очередь исполнять супружеские обязанности, удавалось удерживать своего повелителя возле себя до утра, за что солдаты благословляли её и были бы рады, если бы эта очередь всегда доставалась ей, ибо тогда они могли отдохнуть, тогда как в дни остальных жён их покой жестоко нарушался: старый сардар, словно желая поскорее избавиться от их общества, выступал в поход в полночь.

К моменту гибели Сирафраз-хана у него оставалось в живых двадцать два сына. Дост-Мухаммед-хан и его единственный родной младший брат Амир-Мухаммед-хан, были тогда ещё совсем детьми. Отчасти именно ранней потерей отца можно объяснить то, что будущему правителю Кабула позволили вырасти без наставления и образования. Фатех-хан, старший сын Сирафраз-хана, который, если некоторые свидетельства верны, был виновнее собственного отца, бежал в Андали, родовой замок на Гильменде, а в следующем году вместе с шахзаде Махмудом захватил Кандагар; ещё через год, после разгрома царской армии при Нани, он овладел Кабулом, а затем и самим шахом Земаном, которого лишили зрения в возмездие за подобную же расправу, ранее учинённую им над шахзаде Хумаюном.

Счастливый Махмуд облекся царской властью, а предприимчивый Фатех-хан получил сан визиря. Однако этот порядок утвердился недостаточно прочно и был низвергнут новой революцией, возведшей на престол Шуджа-уль-Мулька, родного брата шаха Земана. Слеплённого принца освободили из заключения, а его место занял шах Махмуд. Со временем последнему удалось бежать; Фатех-хан же, всегда готовый к дерзким предприятиям, новым отчаянным усилием добился изгнания шаха Шуджа-уль-Мулька. Я лишь упоминаю об этих событиях, поскольку до той поры о Дост-Мухаммед-хане ещё никто не слышал: он был слишком молод, чтобы участвовать в них или каким-либо иным образом обратить на себя внимание. Когда шах Махмуд во второй раз овладел властью, тот уже выходил из детского возраста и постоянно находился при своём брате-визире, скорее в качестве прислужника, нежели родственника, исполняя даже унижительные обязанности: подавал ему вино и готовил чиллим.

Ход событий привёл двор в Пешавар, где Дост-Мухаммед-хан впервые обратил на себя внимание ужасным деянием, ясно обнаружившим его безрассудный и дерзкий нрав. Среди многочисленных братьев визиря Мухаммед-Азем-хан, почти ровесник Дост-Мухаммеда, отличался величавыми манерами и благопристойностью поведения. Кроме того, он весьма внимательно управлял своими делами. Визирь же настолько мало заботился о личном хозяйстве, что ему нередко не готовили обеда, а лошади оставались без ячменя, и потому успехи брата в управлении его имуществом задевали его, а похвалы в адрес Мухаммед-Азем-хана раздражали. Он приписывал благополучие его хозяйства способностям сахибкара, или управляющего, Мирзы Али-хана, который, как он любил замечать, сделал из его брата «шахса», то есть

человека. Однажды, разгорячённый вином, он воскликнул: «Дай Бог, чтобы кто-нибудь убил Мирзу Али и избавил меня от страха перед Мухаммед-Азем-ханом!» Присутствовавший Дост-Мухаммед-хан спросил, не убить ли ему мирзу; визирь ответил: «Да, если сумеешь». Наутро Дост-Мухаммед-хан подстерёг мирзу на пешаварском базаре, и, когда тот направлялся засвидетельствовать почтение своему господину, обратился к нему со словами: «Как поживаете, мирза?», одной рукой схватил за поясную шаль, а другой вонзил кинжал ему в грудь. После этого он немедленно ускакал не к ставке визиря, а в шатёр Ибрахим-хана Джемшиди, влиятельного сардара, пользовавшегося благосклонностью шаха Махмуда. Здесь он находился внутри круга царских шатров, откуда извлечь его было бы непристойно: возможно, именно поэтому он и искал там убежища. Услышав о случившемся, Мухаммед-Азем-хан, естественно, пришёл в ярость и, поклявшись, что лишь кровь Дост-Мухаммед-хана может искупить кровь его несчастного мирзы, в сильнейшем гневѣ явился к визирю. Этот распутный человек выразил сожаление о том, что случайное замечание, сделанное им в пьяном виде, повлекло столь отвратительное преступление, но указал, что мирзу уже не вернуть к жизни; что Дост-Мухаммед всё-таки остаётся их братом; что даже при решении наказать его нельзя извлечь из убежища; что развратные привычки шаха Махмуда и его сына Камрана известны всем и, если оставить безбородого юношу Дост-Мухаммеда в их власти, это может навлечь на семью новые насмешки и порицания; что сделанного уже не воротить и потому разумнее забыть прошлое и предотвратить возможные бедствия в будущем. Этими доводами Мухаммед-Азем-хана удалось убедить, о мирзе забыли, а Дост-Мухаммед-хана забрали из-под покровительства Ибрахим-хана Джемшиди. Юноша проявил незаурядные дарования, и визирь увеличил его свиту с трёх-четырёх всадников до двадцати.

Примерно в это время начались знакомства Дост-Мухаммед-хана с сикхами, причѣм обстоятельства этого заслуживают упоминания, поскольку проливают свет на его раннюю жизнь. Нетрудно представить, что пример распутного Фатех-хана должен был пагубно влиять на нравы и привычки ближайшего окружения, и Дост-Мухаммед-хан заслуживает некоторого сострадания, если вспомнить, что он вырос среди постыдных оргий своего брата. О нравственном облике самого Фатех-хана ходили весьма дурные подозрения, и полагали, что в молодости он служил удовлетворению самых низменных страстей многих людей. Замечали также, что, пока он не почувствовал себя прочно утвердившимся у власти, он не возражал против близости развращѣнного шаха Махмуда с его младшими братьями, причѣм общество считало такую близость позорной, быть может даже несправедливо. Джай Сингх, брат Ниял Сингха из Агтари, был отправлен Ранджит Сингхом с поручением в Пешавар, где познакомился и, по словам сикхов, влюбился в Дост-Мухаммед-хана. Бесконечная череда пиров и увеселений, буйных попок и танцев наутч в Баг-и-Нура-Хака свидетельствовала о дружбе старого сикхского вождя и молодого дурранийца. По возвращении в Лахор Джай Сингха заподозрили в слишком тесных отношениях с визирем, а поскольку Ранджит Сингх не доверял ему и по другим причинам, он счѣл благоразумным бежать и вторично прибыл в Пешавар с сорока всадниками-сикхами. С тех пор он и его люди пополнили свиту Дост-Мухаммед-хана.

При первом своём возвышении и получении власти визирю пришлось бороться с великими наследственными сардарами дурранийских племѣн, естественным образом противившимися его возвышению. Среди них было немало энергичных и способных людей, однако эти качества сочетались у них с той поразительной простодушностью, которая вообще свойственна дурранийскому характеру. Насилием или обманом визирю удалось устранить многих из них. Его свержение явилось результатом союза суннитских вождей Кабула, и после возвращения к власти он счѣл необходимым уничтожить их ради сохранения своего положения. До окончания царствования шаха Земана таджики Кохистана, по-видимому, не привлекали особого внимания, вероятно, без труда уплачивали дань и занимались своими междоусобицами. Судя по всем сообщениям, из-за бесконечных распрѣй и буйства нравов их страна находилась в состоянии

ужасного беспорядка. Однако они привыкли к войне, обзавелись огнестрельным оружием и научились им пользоваться, а под руководством способных вождей, выдвинувшихся в смутные времена, среди которых они жили, стали, несомненно, грозной силой. В вопросах веры они, строгие сунниты, беспрекословно повиновались своим святым людям, потомкам почитаемых семейств, веками живших в этой стране. Знаменитый Мир-Вайс воспользовался их могущественной поддержкой, и их шумные, но храбрые отряды хлынули с гор и из долин на город, словно наводнение. Фатех-хан был вынужден на время уступить буре. Снова оказавшись у власти, он счёл необходимым оградить себя от её повторения. В соответствии с общим намерением обеспечить прочность своего владычества он вверил управление областями страны своим братьям. Особые способности и многообещающие задатки Дост-Мухаммед-хана делали его наиболее подходящим исполнителем трудной задачи усмирения кохистанских партий, и он был назначен хакимом, или правителем. Отправляясь вступить в должность, он взял с собой старого друга Джай Сингха. Перечисление всех событий, происшедших в Кабульском Кохистане вследствие назначения Дост-Мухаммед-хана, было бы слишком утомительным. Достаточно упомянуть некоторые из них и отметить общие результаты.

Дост-Мухаммед-хан применил все свои способности, добываясь цели хитростью либо силой, но никогда не прибегая ко второй, когда хватало первой. Одних неугодных вождей он заманивал в ловушку с помощью Коранов и ложных клятв, других — посредством брачных союзов, к которым дурранияйцы нередко прибегают, чтобы заполучить в руки врагов, когда прочие ухищрения не удаются. Таким образом он взял себе жену из Парвана и разрушил союз тамошних вождей, одних убив, а остальных ограбив. Сильных предводителей Кохистана одного за другим обманывали и устраняли. Едва ли не единственным оставшимся был один из наиболее могущественных и осторожных, Ходжа Ханджи из Каррезая, отвергавший все предложения и ни при каких условиях не соглашавшийся явиться в лагерь сардара. Дост-Мухаммед-хан понимал, что, пока Ходжа Ханджи жив, дело нельзя считать завершённым, и удвоил усилия, чтобы заманить его. Он посылал ему один Коран за другим и обещал жениться на его дочери, но так и не мог выманить старого вождя из крепости. У ходжи, как и у всякого человека в Кохистане, были враги. Самый непримиримый из них находился при Дост-Мухаммед-хане. Чтобы окончательно завоевать доверие ходжи, сардар убил этого врага и ставил себе в заслугу, что доказал искренность своего желания дружить с ним, рискуя навлечь на себя всеобщее бесчестье. Убийство произошло в Байяне, и Дост-Мухаммед-хан пригласил ходжу встретиться с ним в замке его прежнего врага, чтобы скрепить их дружеское согласие. Ходжа наконец уступил и, навстречу своей судьбе, отправился в Байян. Однако он прибыл с чрезвычайно многочисленной свитой. Дост-Мухаммед-хан принял его со всевозможной любезностью и смирением, осыпал тысячами уверений в дружбе и готовности служить, называл старика отцом и, возможно, усыпил его подозрения.

Ночью Дост-Мухаммед-хан взял ходжу за руку и повёл внутрь крепости, чтобы показать, как составляется опись имущества убитого, заметив, что это необходимо, поскольку ходже хорошо известно, каким придирчивым человеком является визирь. Как только они вошли, ворота закрыли, а когда ходжа проходил в помещение, именовавшееся, как утверждали, тошаханой, Дост-Мухаммед-хан подал на тюркском языке знак своим кызылбашским слугам, и те зарубили жертву. Его отрубленную голову сбросили с крепостной стены к его спутникам. В первом порыве негодования те принялись штурмовать крепость, но, разобщённые и растерянные, до утра отступили. Дост-Мухаммед-хан получил возможность спокойно торжествовать победу и успех своей ловкости.

Во владения сардара входил Кох-Даман, равно как и Кохистан, и здесь также представлялся широкий простор для применения его хитрости и суровости. Убийство в один день восьми вождей в Чарикаре могло развеять тревогу визиря за будущее, поскольку обещало обеспечить спокойствие страны. Сайид Ашрат-хан из Хупиана считался слишком могуществен-

ным, чтобы позволить ему жить, и многие другие, хотя их боялись не столь сильно, разделили ту же участь. Пока совершались эти убийства, которые можно назвать политическими, бдительность сардара более достойным образом была направлена на подавление разбойничьих предводителей, опустошавших страну своими организованными шайками и делавших дороги небезопасными. Особенно много их было в прилегающих к Кабулу частях Кох-Дамана. Вожаки разбойников и их люди были уроженцами окрестных деревень, открыто там жили и с ведома всех занимались своим тайным промыслом. Общество стояло на пороге полного распада, если бы не было найдено средство. В отношении этих отчаянных людей Дост-Мухаммед-хан придерживался более разумного и мужественного образа действий. Он предлагал простить им прошлое, если они вернутся к честным и законным занятиям; если же они продолжают грабежи, наказанием за преступления и неповиновение станет расстрел из пушечного дула. Многие приняли предложенное прощение и даже поступили на службу к сардару; других быстро схватили и казнили. Со временем в Кох-Дамане воцарились порядок и безопасность, что было удивительно, ибо прежде там никогда не знали подобного состояния. Эти важные преобразования совершились не вполне без применения силы; отдельные восстания нередко требовали вызова войск из Кабула, но ни разу не произошло сколько-нибудь серьёзного столкновения. Родной брат Дост-Мухаммед-хана, Амир-Мухаммед-хан, назначенный хакимом города, обыкновенно выступал брату на помощь. Однажды сам шах Махмуд вместе с визирем Фатех-ханом вступил в Кохистан; после демонстрации силы в этом краю войско двинулось к Ниджрау и Тагхау.

У входа в эти две долины несколько человек, засевших в башне Бурдж-Сахи, осмелились воспрепятствовать его продвижению. Войска охватила паника, они бежали, бросив обоз. Отступление объясняли нехваткой фуража и продовольствия, но, возможно, оно имело какую-то иную, оставшуюся неизвестной причину.

Визирь придерживался правила не оставлять братьев слишком долго во главе областей, чтобы те не успевали чрезмерно разбогатеть и не забывали о своей зависимости от него. Поэтому он время от времени отзывал к себе Дост-Мухаммед-хана. В его отсутствие управление принимал Амир-Мухаммед-хан, независимо от того, был ли отзыв следствием предусмотрительности визиря или услуг Дост-Мухаммед-хана требовали в другом месте.

Визирь любил восклицать: «О, если бы Бог отдал в мои руки Кашмир и Герат! Первый — чтобы я мог пользоваться его доходами, второй — чтобы моим врагам негде было укрыться». Финансовая операция, состоявшая в чеканке неполновесных рупий, позволила ему выступить на Кашмир, который он отнял у Атта-Мухаммед-хана Бами-зая, своего шурина. Дост-Мухаммед-хан принимал участие в этом походе. Прежде чем войти в счастливую долину, визирь встретился с Ранджит Сингхом на берегу Джелама, причём сикхский вождь переправился через реку. Здесь Дост-Мухаммед-хан получил возможность проявить присущую ему склонность карать всякого, кто по глупости отдаёт себя во власть соперника или врага: он многозначительно подмигнул визирю, давая понять, что сикх оказался в его руках. После сдачи Кашмира, управление которым визирь вверил брату Мухаммед-Азем-хану, Джехандад-хан, брат смещённого Атта-Мухаммед-хана, за денежное вознаграждение передал крепость Атак, важную благодаря своему местоположению, Ранджит Сингху. Визиря побудили попытаться вернуть её, и у Хайдаро он вступил в бой с сикхским войском, прикрывавшим крепость. В этом сражении Дост-Мухаммед-хан во главе большой конницы повёл авангард, прорвал строй сикхов и захватил их пушки. Его воины сочли победу решённой и рассеялись ради грабежа; сикхи вновь собрались, а визирь, которому следовало быть наготове для поддержки сражавшихся, уже бежал, поскольку ему сообщили о гибели Дост-Мухаммед-хана. Последнему не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним; впрочем, он упрочил свою славу, вывезя оставленные визирем орудия. Хотя личную храбрость Фатех-хана едва ли можно поставить под сомнение, как военачальник он был весьма неудачлив: по существу, он проигрывал почти

каждую битву, в которой участвовал, и обыкновенно побеждал неприятелей, расстраивая их ряды без боя. Поскольку средства, при помощи которых он умел добиваться успеха, оказывались бесполезными против внешнего врага, весьма вероятно, что его слава пострадала бы, если бы он чаще участвовал в заграничных походах.

В Афганистане по сей день выражают весьма противоречивые мнения о верности Фатех-хана. Если вести войну и вступать в сражения вопреки прямым повелениям государя означает восстание, то он восстал, напав на сикхов у Хайдаро. Но в этой стране допускается столь многое и предоставляется такая свобода действий, что было бы, пожалуй, несправедливо делать выводы из того, что он пренебрёг распоряжениями своего повелителя. Возможно, он счёл избранный образ действий самым благоразумным при тогдашнем положении дел и рассчитывал, что успех оправдает его перед снисходительным государем или даже принесёт ему новые заслуги. Однако пока шли военные действия, его враги при дворе не бездействовали. Они вновь и вновь внушали шаху подозрения, будто Фатех-хан, став хозяином Кашмира, намерен отказаться от подданства и обнаружить свои замыслы. Более того, в народе распространилось убеждение, что визирь стал «яги», то есть мятежником. Было ли это в действительности так, останется сомнительным; потерпев поражение, ему стало удобно отрицать подобные намерения, и с поля битвы при Хайдаро он направился в Кабул с быстротой курьера. В его отсутствие было решено предпринять поход против Персии для защиты Герата, и шах Махмуд расположился лагерем за городом, близ Алиабада. Однажды утром в лагерь галопом въехал Фатех-хан, один, одетый в постин и весь покрытый грязью. В своём неказистом наряде он предстал перед шахом и громогласно приветствовал его словами «Салам алейкум». Добродушный государь принял его приветливо, и визирь осведомился о готовившихся планах. Услышав объяснения, он сказал: «Кому же и сражаться с каджарами (Персией), как не Фатеху?» Так, вновь завоевав расположение монарха, он, по выражению афганцев, почернил лица своих врагов, то есть посрамил их.

Визирь двинулся к Герату с грозной армией, и Дост-Мухаммед-хан сопровождал его. В Кандагаре к ним присоединился тамошний правитель, принц Камран. К нему прежде прибыл смещённый правитель Кашмира, и, поскольку было известно, что Камран завидует визирю, его двор стал пристанищем всех врагов последнего. Во время этого похода Дост-Мухаммед-хан познакомился с Хаджи-ханом Хака. Этот искатель военной удачи первоначально служил у Шехин-хана, состоявшего на службе у Мустафы-хана, брата Махмуд-хана, вождя Калата. Шехин-хан был баби и джемадаром примерно пятидесяти человек. Хаджи-хан вскоре стал его доверенным лицом, а когда по стечению обстоятельств оказался в Дера-Гази-хане, одно происшествие привлекло к нему внимание Джабар-хана, единокровного брата визиря, тогда правившего этим местом. Впоследствии визирь прибыл в Дера-Гази-хан и, познакомившись с Хаджи-ханом, был так доволен его манерами и рассказом о его жизни, что настойчиво предложил ему свою службу. Хаджи-хан согласился лишь при условии, что его старый друг, джемадар-баби, получит управление Сиви. Вскоре Хаджи-хан снискал большое расположение. Он обладал достаточной проницательностью, чтобы увидеть в Дост-Мухаммед-хане восходящую звезду, и потому тесно сблизился с ним. Сардар, как однажды заметил мне Хаджи-хан, всегда был самым нуждающимся из сыновей Сирафраз-хана, так что помощь в его затруднениях представлялась верным средством завоевать его благосклонность. Хаджи-хан именно таким способом сделал себя полезным и в разное время избавлял его от денежных затруднений — не собственными средствами, ибо у него ничего не было, а добывая деньги у других.

Гератом владел принц Хаджи-Фироз-Дин, брат шаха Махмуда. Политические соображения Фатех-хана требовали его пленения, и он убедил шаха Махмуда согласиться на это. Принца захватили хитростью, но столь сомнительный поступок имел гибельные последствия. Во время сумятицы Дост-Мухаммед-хан со своими приверженцами и людьми сикха Джай Сингха силой ворвался во дворец пленного принца, проник в гарем и ограбил его обитательниц. В числе

других непростительных деяний он сорвал украшенный драгоценностями пояс, удерживавший шаровары жены принца Малек-Касима, сына принца Хаджи-Фироз-Дина. Оскорблённая женщина была сестрой принца Камрана и послала брату свою осквернённую одежду.

Принц поклялся отомстить за сестру. В этом прискорбном происшествии были ранены некоторые спутники Джай Сингха, а Дост-Мухаммед-хан, понимая, что ему есть чего опасаться от гнева визиря, бежал из Герата вместе с несколькими слугами и сикхом. В конце концов он достиг Кашмира, где брат Мухаммед-Азем-хан подверг его мягкому надзору в соответствии с приказами Фатех-хана.

Шахзаде Камран, единственный сын шаха Махмуда, рано обнаружил характер, плохо переносивший какое-либо ограничение. Осуществляя власть с суровой решительностью, он отличался неумолимой жестокостью, которую доводил до зверства. Крайне безнравственный и распущенный в манерах и привычках, предававшийся всевозможным излишествам, он даже среди дружеских увеселений и чувственных наслаждений никогда не смягчал своей беспощадной суровости. При всём этом он сохранял известную популярность и уважение, происходившие, вероятно, от его энергии и твёрдого характера. Фатех-хан не мог не понимать, что для сохранения своего положения ему необходимо обезопасить себя от принца Камрана, который не собирался мириться с его превосходством. И сам визирь не склонен был допускать, чтобы шахзаде Камран или кто-нибудь другой препятствовал его замыслам либо мешал ему удерживать власть. Подозрения относительно намерений Фатех-хана, простиравшихся до овладения царским престолом, не уменьшались, и, поскольку областями страны управляли его братья, было очевидно, что для достижения этого опасного могущества оставался всего один шаг. Герат оказался в его власти; устранение праздного шаха Махмуда и его сына сделало бы его полновластным государем. За время похода на Герат он истратил громадную сумму на подарки, и все считали, что близится решительный кризис. Даже если бы он мог позволить шаху Махмуду сохранить царский титул и знаки власти, было ясно, что Камрана ему придётся уничтожить самому либо погибнуть от его руки. Один должен был избавиться от другого; никто не мог предсказать, произойдёт ли это сегодня или завтра и каким именно способом, но все чувствовали, что существование обоих несовместимо с политикой и чувствами, которыми, как было известно, руководствовался каждый. Остатки дурранийской знати собрались вокруг принца Камрана и непрестанно побуждали его освободить себя и отца из-под ига Фатех-хана и отомстить за честь дурранийского имени, пожертвовав жизнью столь развратного и порочного выскочки. Бесстыдные и вероломные действия Дост-Мухаммед-хана пробудили в душе принца самые страшные чувства гнева и жажды возмездия, которые не утихали и тогда, когда во время утешительных посещений сестры та отказывалась открывать перед ним лицо, пока он не отомстит за нанесённое ей оскорбление.

После безрезультатного похода против персов визирь вернулся в Герат, чтобы пополнить войско для новой экспедиции. Он участвовал в одном из своих обычных неудачных сражений, и лёгкая рана на лице, полученная, по одним свидетельствам, от уже потерявшей силу неприятельской пули, а по другим — из мушкета одного из его кызылбашских приверженцев, послужила ему предлогом оставить поле битвы. Тем не менее он наделал шума в Хорасане, и его открыто заявленное намерение возобновить войну побудило Фатх-Али-шаха лично выступить в поход. Говорят, шаху доказывали, будто Фатех-хан — противник ничтожный и любого из его сардаров вполне достаточно, чтобы наказать его. Шах заметил, что это правда, но Фатех-хан — «файз-бахш», то есть щедрый на подарки. Старый монарх верно оценивал характер противника и понимал, в чём заключалось его искусство.

Дела Афганистана чрезвычайно усложнились, и для поддержания его под ударами с востока и запада требовалась бы величайшая энергия. Был ли визирь способен справиться с этой задачей, теперь едва ли возможно решить. Когда он вёл военные действия против персов с одной стороны и сикхов — с другой, принц Камран захватил и ослепил его, положив конец его

политической карьере и открыв путь быстрой череде столь странных событий, столь чудовищных преступлений и предательств, что подобные им трудно отыскать в летописях какой-либо страны. Крик визиря Фатех-хана, когда нож палача вонзился в его глаза, был криком умирающей афганской монархии. Можно почти сказать, что он пренебрёг возможностью взять в руки абсолютную власть, к которой стремился, когда она уже была доступна ему, но зато оставил братьям достаточно средств, чтобы добиться независимости и одновременно отомстить за него. Во время захвата визиря в Герате находились немногие из его братьев, и только один — Фур-Диль-хан — попал в руки принца Камрана, тогда как остальные спаслись бегством. Некоторое время проведя в заключении, он принёс присягу верности, был освобождён и назначен миром афганских баракзаев — различие скорее номинальное, если не сказать смешное. Хаджи-хан Хака, отличившийся в битве с персами и тяжело раненным вынесенный с поля боя, всё ещё находился в городе под наблюдением врачей. Принц Камран распорядился доставить его на носилках к себе и очень желал, чтобы столь храбрый человек поступил к нему на службу. Хаджи-хан сослался на обязательства перед визирем, и принц Камран, умевший уважать мужество и благодарность, не рассердился. Впоследствии Фур-Диль-хан бежал в Гиришк, где вместе с братьями начал собирать силы для борьбы против принца Камрана. Хаджи-хан, оправившийся от ран, присоединился к ним.

С этого времени, в свете последовавших событий, мы можем считать визиря политически мёртвым. На первый план теперь вышли его братья. Выше уже говорилось, что к моменту казни Сирафраз-хана у него было двадцать два живых сына. Пожалуй, уместно будет привести их перечень. Помимо справочного значения, он поможет объяснить некоторые причины необычайных раздоров, возникших впоследствии между ними. Любопытно, насколько отчётливо они разделялись на группы в зависимости от происхождения по материнской линии. История семейства баракзаев могла бы послужить иллюстрацией преимуществ и недостатков многожёнства.

Сыновья Сирафраз-хана ко времени пленения визиря и их положение:

† Фатех-хан
визирь.

† Мухаммед-Азем-хан
правитель Кашмира.

† Таймур-Кули-хан
убит в сражении с сикхами.

† Атта-Мухаммед-хан
убит в сражении при Пешаваре.

† Яр-Мухаммед-хан
управлял Пешаваром.

‡ Султан-Мухаммед-хан*
в Пешаваре.

‡ Сайид-Мухаммед-хан*
в Пешаваре.

‡ Пир-Мухаммед-хан*

в Пешаваре.

§ Шир-Диль-хан
в Герате (спасся бегством).

§ Фур-Диль-хан
в Герате (взят в плен).

§ Кохан-Диль-хан*
в Герате (спасся бегством).

§ Мехер-Диль-хан*
в Герате (спасся бегством).

§ Рахам-Диль-хан*
в Герате (спасся бегством).

|| Самад-хан
правитель Кабула.

|| Ассад-хан
правитель Дера-Гази-хана.

|| Джабар-хан*
в Кашмире.

† Мать — из Мухаммед-заев, главной ветви племени баракзаев; происхождение чистое.

‡ Мать — из гильзаев-токи; происхождение хорошее.

§ Мать — дурранийка; происхождение чистое.

|| Матери разные, но все дурранийки и хорошего происхождения.

* Лица из этого перечня, оставшиеся в живых в 1839 году.

¶ Дост-Мухаммед-хан*
в Кабуле.

¶ Амир-Мухаммед-хан
в Кашмире.

◇ Турабаз-хан*
в Кашмире.

◇ Ислам-хан
в стране теринов.

◇ Джума-хан*
в Шикарпуре.

◇ Абдул-Рахман-хан
местонахождение неизвестно.

¶ Мать — джаванширка; происхождение, по мнению афганцев, считалось менее достойным.

◇ Матери были разными и происходили из низших племён, вследствие чего сыновей мало уважали.

* Лица из этого перечня, оставшиеся в живых в 1839 году.

ГЛАВА III

Поход Камрана на Кабул. — Освобождение Дост-Мухаммед-хана. — Его возражения против бездейственных намерений Мухаммед-Азем-хана. — Он вызывается выступить против Камрана. — Продвигается к Кабулу. — Атта-Мухаммед-хан. — Получает звание Мухтар-уд-Даулы. — Шах-Вали-хан. — Шир-Мухаммед-хан. — Его сменяет Вафадар-хан. — Притворяется парализованным. — Внезапное исцеление. — Интриги с суннитскими группировками. — Возведение на престол шаха Шуджа-уль-Мулька. — Возвращение Кашмира. — Поддержка принца Кайсара. — Гибель в Пешаваре. — Атта-Мухаммед-хан приглашает шаха Шуджа-уль-Мулька. — Заключает его под стражу. — Месть Камрана. — Переговоры Атта-Мухаммед-хана с Дост-Мухаммед-ханом. — Его предательство. — Ослепление. — Внезапное падение. — Осада Бала-Хисара. — Бегство принца Джахангира. — Приготовления в Герате. — Приближение Мухаммед-Азем-хана. — Недовольство Дост-Мухаммед-хана. — Провозглашение султана Али царём. — Гератское войско идёт на Кандагар. — Оттуда к Чахар-Асиабу. — Стремительное отступление. — Его причины. — Потеря Кандагара шахом Махмудом. — Мухаммед-Азем-хан приглашает шаха Шуджа-уль-Мулька. — Борьба с шахом Шуджа-уль-Мульком. — Возведение на престол шаха Айюба. — Распоряжения. — Поход на Шикарпур. — Дост-Мухаммед-хан вновь провозглашает султана Али. — Возвращение Мухаммед-Азем-хана. — Спор. — Предложение Дост-Мухаммед-хана султану Али. — Предложение Мухаммед-Азем-хана шаху Айюбу. — Удушение султана Али. — Рассеяние войска шаха Шуджа-уль-Мулька. — Изобретательность синдских эмиров. — Присутствие духа Мухаммед-Азем-хана. — Интриги в его лагере. — Злые намерения Дост-Мухаммед-хана и Шир-Диль-хана. — Отступление Мухаммед-Азем-хана. — Поход против сикхов. — Меры Ранджит Сингха. — Его предложения пешаварским вождям. — Бегство Джай Сингха. — Дост-Мухаммед-хан предлагает свои услуги Ранджит Сингху. — Мухаммед-Азем-хан обманут Яр-Мухаммед-ханом. — Замысел Дост-Мухаммед-хана относительно его сокровищ. — Нерешительность Мухаммед-Азем-хана. — Паника и рассеяние войска. — Ранджит Сингх занимает Пешавар. — Делит его между Дост-Мухаммед-ханом и Яр-Мухаммед-ханом. — Смерть Мухаммед-Азем-хана. — Его характер. — Хабибулла-хан. — Предсмертное наставление и просьба Мухаммед-Азем-хана. — Фур-Диль-хан прибывает в Кабул. — Его планы. — Безрассудство шаха Айюба. — Встреча Фур-Диль-хана с шахом Айюбом. — Соппротивление шахзаде Исмаила. — Его убийство. — Низложение шаха Айюба. — Удаляется в Лахор. — Джабар-хан. — Его карьера. — Поражение в Кашмире. — Правитель гильзаев. — Его любезность к европейцам. — Пренебрежение Хабибулла-хана. — Попытки Дост-Мухаммед-хана. — Глупость Хабибулла-хана. — Отпадение его вождей. — Осада Бала-Хисара.

Как только стало возможно, принц Камран, оставив шаха Махмуда в Герате, двинулся на Кандагар, управляемый его наместником, а оттуда — на Кабул, который покинул наваб Самад-хан. Управление было оставлено молодому сыну принца Камрана, принцу Джахангиру, главным советником которого стал Атта-Мухаммед-хан, сын Мухтар-уд-Даулы. Сам принц Камран на время отправился обратно.

Как только известия о несчастье визиря достигли Кашмира, Дост-Мухаммед-хана освободили от надзора, под которым его содержали, и, разумеется, устроили совещание о положении дел. Мухаммед-Азем-хан, зная о взятии Кабула, склонялся к тому, чтобы считать области к западу от Инда окончательно утраченными. Он полагал благоразумным оставаться спокойно в

Кашмире, откуда, по его самонадеянному мнению, его не сумели бы изгнать ни силы Камрана, ни сикхи. Дост-Мухаммед-хан возразил против столь робкой и постыдной политики, напомнив о долге отомстить за насилие над визирем и о позоре отказа от отцовской земли без борьбы. Кашмир, говорил он, всего лишь страна раджи, индусская земля; потеряв её, в любое время вновь завладеет ею сильнейший. В заключение он вызвался возглавить поход против Камрана и попытаться возвратить Кабул. Мухаммед-Азем-хан выдал Дост-Мухаммед-хану наличными два лакха рупий и векселя на сумму вдвое большую и отпустил его с небольшим отрядом. Скудость средств, предоставленных Дост-Мухаммед-хану, показывает, по-видимому, что правитель Кашмира не очень верил в возможность его успеха. Он отдал пустяк из своих полных сундуков и тем самым избавил себя от возможного общественного упрёка за полное бездействие. Дост-Мухаммед-хан выступил в Пешавар, где увеличил свои силы, а оттуда направился в Джелалабад; здесь деньги у него кончились, и пришлось обсуждать, возможно ли идти дальше. Положение было отчаянным, как и само предприятие, но было решено двигаться вперёд, и вождь со своей армией приблизился к Кабулу.

Мы уже видели, что Атта-Мухаммед-хан Бами-зай был поставлен принцем Камраном наставлять его сына, принца Джахангира; теперь ему предстояло стать противником Дост-Мухаммед-хана. Чтобы хоть сколько-нибудь разобраться в назревавших интригах, необходимо пояснить, в каких отношениях он находился с различными участвовавшими в них сторонами. Лишённый Фатех-ханом управления Кашмиром, причём сестра последнего была одной из его жён, он прибыл ко двору принца Камрана, который, хотя и имел немало причин быть недовольным им по другим поводам, забыл о них теперь, когда тот мог считаться врагом визиря. Вместе с другим Атта-Мухаммед-ханом, Алекхо-заем, он постоянно подстрекал принца Камрана избавиться от ненавистного Фатех-хана. Получив достоинство Мухтар-уд-Даулы, он был поставлен во главе кабульских дел: принц Камран рассудил, и, быть может, справедливо, что тот не способен примириться с баракзаями, но забыл о возможности его собственных честолюбивых замыслов и намерений. Чтобы объяснить их и ту необычную роль, которую ему предстояло сыграть, необходимо кратко обратиться к истории его семьи. Его дед, шах Вали-хан, был главным министром, или мухтаром, Ахмад-шаха, и в соответствии с устройством афганской монархии или с соглашением дурранийских племён, на котором она основывалась, эта должность была наследственной. После смерти Ахмад-шаха мухтар выдвинул на престол старшего сына, принца Сулеймана, но потерпел поражение от принца Тимура и был убит. Старший сын мухтара Шир-Мухаммед-хан был возвращён шахом Тимуром из изгнания и облечён отцовским достоинством. Он стал известен и прославился как Мухтар-уд-Даула. Во время царствования шаха Земана его на посту сменил Вафадар-хан, знаменитый в Афганистане как визирь садузаев. Это назначение, нарушавшее установленный порядок, оказалось роковым для сделавшего его монарха и привело ко всем бедам и несчастьям, которые впоследствии постигли его самого, а в конце концов и владычество садузаев.

Лишённый должности Шир-Мухаммед-хан притворился парализованным, и на протяжении всего царствования шаха Земана его либо носили на носилках, либо он ковылял на костылях. После изгнания шаха и убийства его соперника, визиря-садузая, он внезапно исцелился от своего недуга, отбросил костыли и снова появился в общественной жизни в качестве мухтара. Теперь он особенно старался снискать расположение кабульских суннитов, оказывал большое внимание Мир-Вайсу и, воспользовавшись отсутствием визиря, находившегося в Кандагаре, совместно со своими друзьями-суннитами и Ахмад-ханом Нур-заем поднял религиозные волнения, приведшие к возведению на престол принца Шуджа-уль-Мулька, который тогда скрывался среди хайберских холмов. Новый шах явно был обязан своим возвышением усилиям суннитских вождей Кабула. Впоследствии мухтар отнял Кашмир у Абдулла-хана Алекхо-зая и оставил управлять этой богатой областью собственного сына Атта-Мухаммед-хана. Шах сумел охладить к себе чувства друзей, которым столь многим был обязан, и те решили, что,

раз они возвели его к власти, то имеют право и низложить. Поэтому, когда государь выступил к Синду, мухтар со своими прежними союзниками освободил принца Кайсара из государственной тюрьмы Бала-Хисара и провозгласил его шахом. Вместе с новым повелителем они отправились в Пешавар, куда поспешно прибыл шах Шуджа-уль-Мульк, и за городом, в Дашт-Пакке, произошло сражение. Шах уже хотел бежать, но толпы позади помешали ему, а мятежные вожди, ринувшиеся вперёд без поддержки, стремясь захватить его самого, были убиты. Мухтар, его брат Мир-Ахмад-хан и Ходжа-Мухаммед-хан Нур-зай, преданный сторонник принца Кайсара, одновременно разделили общую судьбу. Сам принц, ещё недавно торжествовавший благодаря удивительным случайностям войны, в качестве пленника украсил едва ли заслуженный триумф шаха Шуджа-уль-Мулька. Справедливости ради следует прибавить, что было проявлено милосердие. Атта-Мухаммед-хан продолжал править Кашмиром, и шах Шуджа-уль-Мульк не сумел его сместить. Когда шах сделался изгнанником, Атта-Мухаммед-хан пригласил его в Кашмир, хотя бы для того, чтобы пользоваться им как орудием. Шаха, не вполне покорного, поместили в замок Кох-Маран, откуда его освободил визирь, когда отвоевал долину у Атта-Мухаммед-хана. Из-за оскорблений, нанесённых шаху, принц Камран, хотя политически и враждовавший с родственником, счёл нужным отомстить за унижение достоинства семьи садузаев, отдав женщин из рода Бами-заев в Герате на поругание погонщикам мулов.

Из приведённого повествования видно, что семейство Атта-Мухаммед-хана было связано симпатиями с суннитской партией Кабула; вряд ли можно сомневаться, что теперь он намеревался с её помощью добиться независимости. Будучи человеком немалых способностей, он имел перед собой благоприятное поле действий, но, недооценив противников, вместо того чтобы перехитрить их, сам оказался перехитрён. Дост-Мухаммед-хан дошёл до Хурд-Кабула, находившегося в двух обычных переходах от города, и колебался, идти ли дальше, когда получил тайное послание от Атта-Мухаммед-хана. Обманутый или рассчитывавший собственным искусством превзойти хитрость соперника, Дост-Мухаммед-хан двинулся вперёд, но обходным путём и весьма осторожно, постепенно пробираясь к высотам Бимару на севере. Атта-Мухаммед-хан со всей военной пышностью покинул Бала-Хисар и выступил, как объявлялось, для уничтожения мятежников. Он продвинулся к Бимару, а войска Дост-Мухаммед-хана медленно отступали по мере его приближения. На высотах он обратился к своим людям с речью, призвав небесный гнев и адские муки на всякого, кто предаст шаха Махмуда, шахзаде Камрана или шахзаде Джахангира. Тут же, в манере, совершенно характерной для афганца, он обернулся и шёпотом потребовал Коран. Священную книгу принесли, Атта-Мухаммед-хан приложил к ней печать и, сопроводив новыми клятвами, отправил Дост-Мухаммед-хану. В течение нескольких дней потребовалась череда переходов и встречных передвижений, мелких стычек и других притворных действий, чтобы обе стороны обменялись должным количеством клятв, а доверенные лица партий согласовали предварительные условия. Однако они плохо скрывали существовавшее между Атта-Мухаммед-ханом и баракзайскими вождями соглашение, каким бы загадочным оно ни было. Одно обстоятельство бросалось в глаза: интересы Камрана были преданы, а безопасность его сына поставлена под угрозу. Наконец мухтар и мятежные вожди обменялись личными посещениями, и во время одного из них, состоявшегося в Бурдж-Вазире, увеселительном доме, построенном Фатех-ханом, первого повалили на землю и ослепили руками Пир-Мухаммед-хана, одного из младших братьев визиря. Среди братьев, находившихся с Дост-Мухаммед-ханом, все обменялись клятвами с мухтаром, кроме Пир-Мухаммед-хана, от которого ввиду его молодости этого не требовали. Об этом деле рассказывают много разных версий. Друзья баракзайских вождей утверждают, что мухтар намеревался взорвать их. Другие решительно отрицают это и считают случившееся естественным следствием борьбы за власть между отчаянными и безрассудными людьми. Ослепление явилось возмездием за подобную расправу над визирем, совершённую, как говорят, отчасти по наущению Атта-Мухаммед-хана. Все его честолюбивые замыслы в одно мгновение рассеялись, и он удалился в неизвестность и

уединение. Теперь он живёт в Алиабаде близ Кабула, всеми забытый и мало кем жалеемый. Припоминают, что во время управления Кашмиром вырывание глаз было одним из обычных применявшихся им наказаний. Его несчастье дало сыну принца Камрана и его сторонникам повод заметить, что предатель попался в собственную ловушку.

Избавившись от опасного врага или неудобного друга, Дост-Мухаммед-хан получил возможность осадить Бала-Хисар. Вредный или изменнический совет убедил принца Джахангира оставить нижнюю цитадель и запереться в верхней. Опустевшую крепость противник немедленно занял. На равнине к востоку установили батареи, а от домов у подножия верхней цитадели подвели мину под бастион главного входа. Гарнизон узнал об этом и был настороже. Мину взорвали, но взрыв не достиг полного успеха. Положение принца стало чрезвычайно опасным. Находившийся в расцвете юности и замечательно красивый, он стал предметом молитв всех кабульских женщин о его спасении. Возможно, они расположили небеса к нему. Однажды ночью, когда царила полная темнота и дождь лил потоками, ему со своими людьми удалось незаметно покинуть верхнюю цитадель через ворота Дарваза-Каши. Пройдя вдоль стен, он добрался до перевала Котал-Хеддар, пересёк его и направился по дороге в Газни. Дост-Мухаммед-хан не стал его преследовать.

Благодаря поразительной череде удачных обстоятельств Дост-Мухаммед-хан стал хозяином Кабула, но, насколько можно судить, не сумел воспользоваться преимуществом настолько, чтобы выступить против Газни. Вскоре он обнаружил, что впереди его ожидает гораздо более серьёзная борьба, поскольку шах Махмуд и принц Камран выступили или собирались выступить из Герата. Надежда противостоять их многочисленной армии могла бы показаться нелепостью, если бы столь великие неожиданные успехи уже не давали ему основания надеяться на всё, и потому он приготовился встретить надвигающуюся бурю. Когда весть о взятии Кабула достигла Кашмира, Мухаммед-Азем-хан привёл войска в движение, но, вероятно, больше не посылал денег Дост-Мухаммед-хану. В качестве старшего брата и представителя семьи он, по его представлениям, не мог допустить, чтобы «тахт», или столица, оставалась в руках Дост-Мухаммед-хана, который мог бы считать его в Кашмире лишь подчинённым правителем. Вполне возможно, этот сардар был бы даже доволен, если бы Кабул не удалось отнять у Камрана, поскольку, вероятно, никогда не ожидал победы своего брата. Сам же Дост-Мухаммед-хан был слишком проницателен, чтобы не проникнуть в тайные чувства старшего брата и не заметить, с какой ревностью к нему относилось большинство членов семьи. Его также огорчало, что собственные усилия и победы служат лишь возвышению других. Он чувствовал себя несправедливо обойдённым, тогда как все его честолюбивые помыслы встречали препятствия. Отказаться от них он не соглашался, а стремление сохранять их вопреки обстоятельствам часто приводило его к растерянности и связанности действий. Возможно, окрылённый своими успехами, он вскоре начал проявлять признаки самостоятельности, и первым её выражением стало провозглашение шахзаде Султана Али царём; сам он, естественно, принял достоинство визирия. Для Мухаммед-Азем-хана и остальных членов семьи это было неожиданной новостью. Названный принц прежде управлял Кабулом при шахе Махмуде, приобретя немалое уважение, и считался одним из самых достойных по здравому смыслу и поведению принцев из рода садузаев. Вероятно, при благоприятных обстоятельствах восшествие на престол сделало бы его достойным уважения государем. Теперь же его средства вместе с пожертвованиями разных лиц позволили предоставить Дост-Мухаммед-хану около двух тысяч конницы для встречи подавляющих сил, шедших из Герата.

О бегстве Фур-Диль-хана в Андали и его приготовлениях отомстить за оскорбление брата Фатех-хана уже упоминалось. По странной игре судьбы царское войско, следуя к Кандагару, обошло Андали, оставив таким образом пятерых братьев с их набранными отрядами у себя в тылу.

Как только царская армия двинулась к Кабулу, они появились перед Кандагаром и потребовали от его правителя Гуль-Мухаммед-хана сдачи города. Тот согласился сдать его в случае поражения своего государя под Кабулом и попросил объединившихся братьев удалиться, пока не станет известен исход борьбы. Они согласились. Шах Махмуд и его сын продвинулись до Чахар-Асиаба, находящегося в шести или семи милях от Кабула, но вдруг бросили обоз, снялись с места и по дороге через Хазараджат стремительно достигли Герата. Полагают, что это бегство было вызвано советами Салу-хана, известного также под именем шаха Пессанд-хана. Возможно, это так; однако когда утверждают, будто для бегства не существовало видимой причины, факты показывают, что причин было даже слишком много. Шах Махмуд и Камран, разумеется, узнали о сомнительной преданности кандагарского правителя; отступление пяти братьев казалось им ещё более грозным событием, поскольку можно было предполагать, что они станут угрожать Герату. Что это опасение действительно существовало, показывает поспешность, с которой они стремились туда добраться; иначе поход на Кабул был бы доведён до конца, а если отступление оказалось бы необходимым, то естественным направлением был бы Кандагар, где можно было одновременно раздавить изменника и мятежников. Пока царская армия стояла у Чахар-Асиаба, Дост-Мухаммед-хан и его сторонники поблизости держали в руках поводья своих коней, готовые рассеяться и бежать при первом же движении неприятеля вперёд. Быть может, шах Махмуд и его сын не знали этого и поэтому внимали пагубным внушениям Салу-хана о том, что дурранийцы в их армии сговорились предать их и последовать примеру Гуль-Мухаммед-хана в Кандагаре. Дост-Мухаммед-хан не верил в отступление неприятелей, пока Назир-Дилавер, беглец и единственный человек из покинутого лагеря, не явился и не подтвердил известия. Тогда он двинулся вперёд и занял пустые шатры. Когда царская армия достигла Газни, принц Камран, увидев, что она сохранилась в полном составе и дурранийцы не изменили, пожелал вернуться на Кабул, но его намерение было отвергнуто. Братья, стоявшие в Андали, не предприняли внезапного нападения на Герат, но, получив преувеличенные сообщения о разгроме гератской армии, выступили, чтобы перехватить её остатки, и отступили, когда обнаружили, что она не разбита. Гуль-Мухаммед-хан сдал Кандагар, а о его дальнейшей судьбе уже рассказывалось. Трудно сказать, был ли он изменником по своим намерениям. Возможно, он рассуждал так: «Царская армия всесильна и непременно одержит победу под Кабулом, после чего братья из Андали распустят войска или солдаты сами оставят их». Но, увидев, какие несчастья он вызвал, как мог он предстать перед государем или отдаться во власть неумолимого Камрана?

Можно сказать, что удача Дост-Мухаммед-хана во второй раз принесла ему Кабул. Его брат Мухаммед-Азем-хан прибыл в Пешавар, оставив управление Кашмиром своему единокровному брату Джабар-хану. Едва он покинул долину, как сикхи приготовились завоевать её. Из Пешавара Мухаммед-Азем-хан послал бывшему государю, шаху Шуджа-уль-Мульку, приглашение присоединиться к нему. Эта мера уже не покажется столь странной, если вспомнить, что в Кабуле царём считался султан Али, поскольку почтение к принцам из рода садюзаев ещё не было окончательно утрачено. Мухаммед-Азем-хан придавал столь большое значение присутствию в своём лагере принца царской крови, что не решался двинуться на Кабул без такого лица. Шах Шуджа-уль-Мульк прибыл в Пешавар, но преждевременное проявление его высокомерных представлений о царском достоинстве привело к сражению между ним и теми, кто его пригласил. Шах потерпел поражение, бежал и добрался до Шикарпура. Мухаммед-Азем-хан теперь признал царём принца Айюба, поскольку никого лучшего не нашлось, и, обеспечив себя таким образом, отправился в Кабул. После отступления гератской армии Дост-Мухаммед-хан овладел Газни и поставил управлять им своего брата Амир-Мухаммед-хана, вполне возможно предвидя, что это будет единственное владение, которое ему удастся удержать. Он не мог противостоять Мухаммед-Азем-хану с его большой армией и сокровищами, когда вся тяжесть объединённого семейства была направлена против него, ибо теперь братья-сардары

из Кандагара выступили бы на поддержку главы семьи. Конечно, последовали многочисленные посреднические усилия и споры, но всё закончилось признанием Мухаммед-Азем-хана сардаром, а шаха Айюба — номинальным государем. Дост-Мухаммед-хану позволили владеть Газни, а братьев, завладевших Кандагаром, сочли достойными сохранить его за собой. Джабар-хан, потерпевший поражение, раненный и изгнанный из Кашмира, получил управление гильзаями, подчинявшимися Кабулу; Мухаммед-Земан-хан, сын наваба Ассад-хана, был назначен в Джелалабад; Яр-Мухаммед-хан и его братья — в Пешавар; а наваб Самад-хан, живший в Кабуле, — в Кохат и Хангу. Благодаря этому разделу страна оказалась довольно равномерно распределена между разными членами семьи и, возможно, большинство или все они остались довольны, кроме Дост-Мухаммед-хана. Теперь общими интересами были отражение иностранного вторжения и сохранение существовавшего семейного порядка. Первого следовало ожидать со стороны Герата и Пенджаба. Нарушения второго более всего приходилось опасаться от Дост-Мухаммед-хана. После признания шаха Айюба государь, созданный Дост-Мухаммедом, шах султан Али, спокойно вернулся к частной жизни. Его короткое царствование стоило ему небольшого состояния, которое он успел накопить.

Первой заботой Мухаммед-Азем-хана стал Шикарпур, где шах Шуджа-уль-Мульк собирал войско. Было решено выступить и рассеять его. Разные участники союза выставили отряды, и многие отправились лично. Армия выступила из Кабула, причём новый шах Айюб сопровождал её. Она миновала Газни, когда Дост-Мухаммед-хан вернулся в Кабул, вывел шаха султана Али из уединения и снова провозгласил его царём. Мухаммед-Азем-хану пришлось повернуть назад. После прибытия в Кабул шаха Айюба шах султан Али оставил дворец Бала-Хисар, куда его поместил Дост-Мухаммед-хан, и удалился в Баг-и-Вазир. Там он продолжал жить. Поведение Дост-Мухаммед-хана трудно объяснить, если только не предположить, что он стремился причинить как можно больше досады и неприятностей или что существовал согласованный план устранить шаха султана Али, который, как уже говорилось, был человеком незаурядных способностей. После обычных придирчивых споров между братьями и вмешательства друзей решили прийти к некоторому соглашению, а Дост-Мухаммед-хан, заверяя в преданности, внушил шаху султану Али, что для утверждения на престоле ему необходимо умертвить шаха Айюба. Шах султан Али с негодованием отверг предложение и осыпал упрёками того, кто осмелился его высказать. Дост-Мухаммед-хан облегчил свою совесть: он показал принцу единственный способ, каким тот при данных обстоятельствах мог сохранить себя, и, если тот отказывался им воспользоваться, ошибка принадлежала ему самому. Со своей стороны, он считал себя освобождённым от обязанности заботиться о судьбе принца, который сам о ней не заботился. Он пожелал, чтобы принц переселился в Бала-Хисар, что тот и сделал, заняв собственный дом. Затем Мухаммед-Азем-хан стал убеждать шаха Айюба в необходимости казнить шаха султана Али, обещая, что в случае согласия таким же образом расправится и с Дост-Мухаммед-ханом. Шах Айюб оказался настолько низок, что согласился. Оба шаха в течение тех немногих дней, что жили вместе в Бала-Хисаре, навещали друг друга и сидели на одном муснаде. Наконец принц Исмаил со слугой задушил несчастного шаха султана Али, когда тот отдыхал после устроенного в его честь пира. Теперь шах Айюб потребовал от Мухаммед-Азем-хана выполнить обещание относительно Дост-Мухаммед-хана. Вождь заметил: «Как же я могу убить собственного брата?» Столь отвратительные происшествия одинаково неприятно комментировать и описывать. Дост-Мухаммед-хан успокоил собственную совесть; сардар же, возможно, считал себя невиновным в преступлении, совершённом чужими руками. Если один садузай умертвил другого, они ничего не могли с этим поделать. Выгода, извлечённая ими из предательства, состояла в исчезновении источника затруднений, и войско вновь двинулось к Шикарпуру.

Следуя через Газни и Шаль, где к нему присоединился кандагарский отряд, оно наконец приблизилось к цели. Армия шаха Шуджа-уль-Мулька рассеялась перед ним, но сардар

задержался на некоторое время ради устройства дела о дани Синда. Эмиры собрали многочисленную беспорядочную толпу, и начались разнообразные переговоры: дурранийцы стремились получить как можно больше, а эмиры соглашались уплатить как можно меньше. Последние также предприняли попытку избавиться от неприятных гостей, устроив притворное ночное нападение на их лагерь. Со всех сторон из зарослей раздавались мушкетные выстрелы, к ужасу дурранийцев, весьма склонных поддаться панике, но присутствие духа их вождя спасло их. Он не выходил из шатра, а велел позвать музыкантов, делая вид, будто вовсе не замечает происходящего, хотя без лишнего шума распорядился принять необходимые меры к поддержанию порядка. Утром эмиры Синда почтительно прислали осведомиться о здоровье сардара и выразить надежду, что «тохи», или свадьба, праздновавшаяся ими ночью, не помешала его сну. Мухаммед-Азем-хан намеревался основательно опустошить сокровищницы изобретательных эмиров, но из-за интриг в собственном лагере неохотно удовольствовался их обязательством выплатить двенадцать лакхов рупий, из которых ему передали три лакха, а остального так и не заплатили.

Сардар был обременён громадными сокровищами, плодами своего правления в Кашмире, но ради их сохранения был вынужден постоянно возить их с собой. Теперь они находились в лагере, и Дост-Мухаммед-хан вместе с Шир-Диль-ханом задумали овладеть ими. Обнаружение этого подлого заговора ускорило отступление Мухаммед-Азем-хана и спасло эмиров Синда от тяжёлой утраты накопленных богатств.

Затем сардар предпринял поход против сикхов, которые, воодушевлённые захватом Кашмира и обладанием Аттакком, как полагали, замыслили дальнейшие завоевания. Дух дурранийских вождей ещё не был сломлен; победы неверных приписывали хитрости и случайности и твёрдо верили, что меч отразит их и изгонит из недавно захваченных владений. Поражение при Хайдаро не запятнало храбрости сражавшихся, а Мухаммед-Азем-хан помнил, что Ранджит Сингх не непобедим, поскольку сам нанёс ему тяжёлое поражение на Туса-Майдане в Кашмире, когда честолюбивые замыслы впервые заставили того лично вторгнуться в окружённую горами долину. Начались большие военные приготовления, и в горные области к северу от течения реки Кабул отправили агентов, чтобы поднять фанатически настроенное население и привлечь его храбрые отряды к великому сражению за веру. Ранджит Сингх готовился к борьбе не менее деятельно. Этот проницательный вождь слишком хорошо знал слабые стороны своих дурранийских противников, чтобы упустить случай воспользоваться ими в столь решительный момент. Он сознавал, что хитростью разобщить их легче, чем разбить в открытом бою. Его посланцы уже начали обрабатывать братьев-вождей Пешавара. Им внушали, что представилась возможность испытать благосклонность и щедрость «сиркара» и обеспечить полную независимость своих владений. Взамен от них не требовали предать старшего брата, а лишь устроить дело так, чтобы тот спокойно вернулся в Кабул. Пешаварским вождям льстила мысль избавиться от зависимости от Мухаммед-Азем-хана, и они забывали, что тем самым превратятся в вассалов Ранджит Сингха. С другой стороны, исход войны был сомнителен, и они считали выгодным упрочить своё положение при любом обороте дел. Поэтому они охотно выслушивали предложения Ранджит Сингха и тайно вступили с ним в переговоры.

В конце концов Мухаммед-Азем-хан выступил из Кабула и через Джелалабад и проход Карапа прибыл в Минчини, где оставил сокровища. Затем он переправился через реку Кабул и достиг Пешавара. Дост-Мухаммед-хан находился при армии, и её остановка в этом месте привела к потере его старого друга-сикха Джай Сингха. Передовые отряды дурранийских и сикхских войск приблизились настолько, что между ними время от времени происходили стычки. Однажды принесли около тридцати сикхских голов и прибили их к дому Джай Сингха. Он понял это действие как предупреждение немедленно уйти и бежал к сикхскому войску. Позднее он был убит в Пенджабе. Дост-Мухаммед-хан, зная, что его пешаварские братья находятся в сговоре с противником, сообщил старшему из них, Яр-Мухаммед-хану, о

своём желании присоединиться к заговору. Яр-Мухаммед-хан не преминул поддержать его и похвастаться перед сикхами своими заслугами в том, что склонил на их сторону самого воинственного из братьев-сардаров. Ранджит Сингх к этому времени переправился через Атак, а Мухаммед-Азем-хан стоял лагерем у Наушеры. Велись переговоры, столь пагубные для дурранийцев, и Яр-Мухаммед-хан находился в сикхском лагере как посланник сардара. Чего следовало ожидать от такого представителя? То ли по собственному желанию, то ли по приказу сикхов, он писал Мухаммед-Азем-хану обманчивые письма, сообщая, будто противник намерен захватить его гарем и сокровища в Минчини. Сокровища были постоянным предметом беспокойства несчастного сардара.

Он был вынужден повсюду возить их с собой, но и тогда с трудом мог уберечь. Дост-Мухаммед-хана вновь обвиняли в том, что он обратил на них свои нечестивые помыслы. На противоположном берегу реки произошло ожесточённое столкновение между частью сикхских войск и ополчением юсуфзайских округов. Ранджит Сингх лично присутствовал при этом, и, хотя утверждали, будто он переправился через реку ради охоты и столкновение произошло случайно, сам факт его перехода, казалось, подтверждал слухи о намерениях относительно Минчини и сокровищ. Мухаммед-Азем-хан находился в страшной душевной тревоге: плакал, рвал на себе бороду и горько проклинал измену братьев. Он предвидел позор отступления с поля боя без сражения; не менее нестерпима была мысль, что его жёны и сокровища попадут в руки Ранджит Сингха. Не решаясь ни остаться на месте, ни отступить, то выбирая одно, то другое, он передал свою нерешительность войску. Зараза распространялась и превратилась в панику. Ночная тьма усилила и без того царившие сомнение и ужас; весь лагерь пришёл в движение. Все укладывали вещи и покидали его, как место, населённое призраками, причём никто не знал причины. Наступило утро, но войска уже не существовало. Несчастный Мухаммед-Азем-хан собрал его остатки, забрал из Минчини гарем и богатства, перевалил через момандские холмы и вернулся в долину Джелалабада.

Ранджит Сингх добился цели, и Яр-Мухаммед-хан больше не был ему нужен, поэтому он отпустил того присоединиться к бегущим братьям и строить новые козни. Сикхский вождь вступил в Пешавар, но общественные настроения во всей стране были столь возбуждены, что он не счёл благоразумным удерживать город. За Яр-Мухаммед-ханом и Дост-Мухаммед-ханом тайно послали, и они прибыли в Пешавар из дурранийского лагеря в Даке. Ранджит Сингх вознаграждал их измену брату и услуги себе, разделив между ними поровну пешаварскую область и весьма ловко поставив Дост-Мухаммед-хана в соперничество с братьями Яр-Мухаммед-хана, обеспечив тем самым постоянные раздоры и распри между ними. Некоторое время Дост-Мухаммед-хан жил в Хаштнагаре, не стыдясь того, что обязан территориальными владениями Ранджит Сингху.

Мухаммед-Азем-хан, измученный душевными терзаниями, заболел дизентерией, которая свела его в могилу. Можно с полным основанием сказать, что он умер с разбитым сердцем. Было бы бесполезно рассуждать о том, чего не произошло. Поэтому не станем выяснять, как сложились бы обстоятельства, если бы он придерживался первоначального намерения довольствоваться Кашмиром или если бы, когда Дост-Мухаммед-хан завоевал Кабул, позволил ему сохранить город. Несомненно, знание характера младшего брата влияло на него, и он предвидел возможность обращения ресурсов Кабула против себя. Мухаммед-Азем-хан обладал значительными способностями, любил пышность, был щедр и величав. Его считали достойным высокого положения. В частной жизни он был непринуждённым, общительным и любил удовольствия, но никогда в ущерб делам. Его качества позволяли ему поддерживать дружеские отношения, и среди подвластных вождей у него было немало друзей.

Наследником стал его старший сын Хабибулла-хан, безрассудный и своевольный юноша, выросший при полном удовлетворении необузданных страстей и среди всевозможных изли-

шеств. Его пороки и недостатки происходили скорее от привычек, чем от сердца, и искупались неукротимой личной храбростью и расточительной щедростью. К несчастью, вместо рассудительности он обладал безрассудством и был совершенно неспособен бороться с проницательными и хищными дядьями в той борьбе, которую, без всякого дара пророчества, легко было предвидеть. Умирающий отец, сознавая неспособность и неосмотрительность сына, поручил его заботам дяди Джабар-хана; он соединил их руки и умолял брата заменить племяннику отца, а сына заклинал смыть позор, который сам претерпел перед сикхами. Известие об опасной болезни Мухаммед-Азем-хана привело Фур-Диль-хана из Кандагара.

Читатель, вероятно, помнит шаха Айюба, возведённого сардаром на престол. Он всё ещё жил в Бала-Хисаре. После смерти Мухаммед-Азем-хана шахзаде Исмаил, прежде послуживший орудием устранения шаха султана Али, стал умолять отца подняться и захватить сокровища покойного вождя. Нашлось бы немало людей, готовых помочь ему в этом предприятии. Ленивый и тучный Айюб обругал сына болваном, а тот тщетно заверял его, что лишь таким способом можно спастись от дурных намерений Фур-Диль-хана. Не сумев заставить отца выслушать доводы, шахзаде Исмаил выехал из города под предлогом увеселительной поездки в Санджитак, но в действительности намереваясь удалиться в Пешавар. Отец, узнав об этом, отправил за ним людей и убедил его вернуться. Планы Фур-Диль-хана не были тайной, и очень многие желали, чтобы шах принял меры предосторожности, предлагая поддержать его, если он решится. Ослеплённый самообманом принц привык осыпать таких советчиков бранью и делал вид, что не верит их сообщениям.

Наконец сардар уведомил шаха о намерении посетить его в Бала-Хисаре. Шах согласился, приказав лишь впустить внутрь входных ворот крепости одного сардара. Утром тот появился перед воротами, а его приверженцы, преимущественно кохистанцы, ворвались вслед за ним и заполнили базар Араба. При подходе к дворцовому входу снова попытались не пропустить вооружённых людей сардара, но очередной натиск ввёл их внутрь, и они рассыпались по дворам. Сардар вместе с братом Мехер-Диль-ханом и несколькими спутниками поднялся по лестнице и вошёл в помещение для дарбара, где сидели шах и его сын принц Исмаил. Они обменялись приветствиями и некоторое время вели незначительный разговор, пока сардары не принялись переглядываться друг с другом и со своими людьми. Надо полагать, принц Исмаил заметил эти знаки, потому что схватил лежавший перед ним карабин и навёл его на сардаров. Окружившие отца и сына кохистанцы сумели отклонить оружие, однако выстрелом был убит один кохистанец и ранены другие. Несчастливого принца немедленно застрелили спутники убитого, шаха взяли в плен, а во дворце начался грабёж. Некто Хаджи-Али, о котором также сообщают, что он стрелял в принца, снял с шаха одежду и облачил его в собственную; затем по приказу сардара посадил сзади себя на коня и увёз в Бурдж-Вазир. Жителям города предстало необычное зрелище, когда Хаджи-Али вёз по улицам низложенного монарха, однако они настолько привыкли к чрезвычайным событиям, что смотрели на них равнодушно. Отдав распоряжения, необходимые после совершённого ими дела, сардары вернулись в свои городские дома с такой же невозмутимостью после низложения монарха, словно они просто совершили утреннюю верховую прогулку.

Призрачность царского сана, которым облекли шаха Айюба, была слишком очевидной, чтобы кого-либо обмануть, и казалось, будто это мнимое достоинство намеренно даровали ему, чтобы опозорить и его самого, и род садузаев. Фур-Диль-хан положил конец фарсу и не считал себя обязанным терпеть тень, созданную его покойным братом. С шахом Айюбом в Бурдж-Вазире обращались с большими унижениями и даже намеревались пытать его, чтобы вынудить отдать сокровища. Благодаря посредничеству удалось прийти к соглашению, и после уплаты лакха рупий шаха отпустили, предоставив свободу идти куда пожелает. Мухаммед-Земан-хан по этому случаю повёл себя великодушно и устроил всё так, чтобы несчастный принц мог с удобствами добраться до Лахора. Ранджит Сингх назначил ему содержание в тысячу рупий

в месяц. Его брат, шахзаде Ибрахим, живший в Пешаваре, получив известие о кабульских событиях, сумел уйти за Атак, сохранив семью и имущество. Следует также отметить, что наваб Джабар-хан тайно предупредил шаха Айюба об опасности.

Джабар-хан, которого обыкновенно называли навабом, поскольку он управлял Дера-Гази-ханом, принадлежал к старшим сыновьям Сирафраз-хана, но, рано потеряв мать, в течение некоторого времени оставался без заботы об образовании и благосостоянии. Наконец Мухаммед-Азем-хан обратил на него внимание и настойчиво представил его притязания визирю, который последовательно назначил его правителем Дера-Гази-хана и Кабула. В обеих должностях он в высшей степени заслужил одобрение управляемых, но не столь полно — визиря. К тому же, разделяя с братьями преувеличенное мнение о собственном значении и демонстрируя независимость действий, он забывал пересылать доходы своих областей. По этим причинам визирь не раз обращался с ним сурово, и Джабар-хану приходилось искать убежища у Мухаммед-Азем-хана, который неизменно принимал его с добротой и защищал. Лишившись управления Кабулом, он бежал в Кашмир и побудил Мухаммед-Азем-хана принять столь подозрительное положение, что визирь выступил против него. Произошло сражение. Визирь, потерпев поражение, в одиночку въехал верхом в лагерь брата и обнял его за то, что он столь достойно проявил себя воином, но упрекнул за то, что тот позволил Джабару сеять между ними раздор.

Когда Мухаммед-Азем-хан покинул Кашмир, Джабар-хан был назначен его правителем. Не прошло и пяти месяцев, как в область вступило сикхское войско. Проявив больше отваги, чем здравого смысла, он, не выстроив свои войска, выступил с горсткой спутников навстречу неприятельской линии. Залп повалил почти всех, в том числе Джабар-хана, в которого попало пять или шесть мушкетных пуль. Его удалось унести с большим трудом. Далее последовало не сражение, а бегство и бойня. Дурранийцы потеряли Кашмир.

При разделе владений после утверждения Мухаммед-Азем-хана в Кабуле Джабар-хан получил управление подчинёнными городу гильзаями. Этот вельможа всегда выказывал особую любезность европейским путешественникам, посещавшим Афганистан, и постоянно выражал надежду, что между Кабулом и Индией возникнут какие-нибудь политические отношения. Возможно, в этом отношении он перенял взгляды своего брата Мухаммед-Азем-хана. Покойный сардар вовсе не подражал разрушительной политике визиря по отношению к дурранийским вождям. Он собирал возле себя как можно больше таких людей и щедрыми дарами способствовал поправлению их расстроженных состояний. Его двор пользовался большим уважением. Его сын вскоре перевернул установленный порядок и, погрузившись в распутство, окружил себя негодями и развратниками всех сословий. Поначалу он управлял с помощью отцовских чиновников, но те быстро прониклись отвращением к нему и либо удалились сами, либо были смещены. Советы наваба Джабар-хана, разумеется, остались без внимания. Дост-Мухаммед-хан не преминул заметить, что перед ним открылось поле деятельности, и увидел хорошую возможность отнять у ослеплённого сына тот Кабул, который, как он утверждал, отец несправедливо отобрал у него. Свои пешаварские владения он передал управлению наместников и поспешил в Кабул, где связался со всеми беспокойными людьми страны. Вскоре начались военные действия; несколько месяцев непрерывно шла борьба, в которой Хабибулла-хан благодаря превосходству сил одерживал верх, а Дост-Мухаммед-хан бежал в Кохистан или Газни, чтобы пополнить средства и подготовиться к новому столкновению. Наконец Хабибулла-хан восстановил против себя наваба Джабар-хана, лишив его управления и отдав его распутному спутнику своих оргий Назир-Али-Мухаммеду, а также окончательно оттолкнул от себя Аминуллу-хана Логхари, одного из доверенных слуг отца и человека величайшего влияния, попытавшись погубить его. В результате наваб Джабар-хан склонился на сторону Дост-Мухаммед-хана, который снова выступил в поле, а во время сражения в Дашт-Кергахе близ города Аминуллу-хан со своими товарищами всем отрядом перешёл к нему. Потерпев поражение,

Хабибулла-хан укрылся в Бала-Хисаре, который Дост-Мухаммед-хан, заняв город, немедленно осадил.

ГЛАВА IV

Кандагарские сардары выступают на помощь Хабибулла-хану. — Дост-Мухаммед-хан отступает. — Захват Хабибулла-хана. — Дост-Мухаммед-хан объявляет себя его мстителем. — Печальное состояние Кабула. — Благожелательное отношение к Дост-Мухаммед-хану. — Желание кандагарских сардаров схватить и ослепить его. — Спасение благодаря Хаджи-хану. — Новые соглашения. — Причуда Хаджи-хана. — Он поступает на службу к Дост-Мухаммед-хану. — Ошибки Султан-Мухаммед-хана. — Его слабое управление. — Дост-Мухаммед-хан осаждает его. — Он удаляется в Пешавар. — Ахмад-шах. — Его притязания. — Успехи среди юсуфзаев. — Оскорбляет пешаварских сардаров. — Они предают его. — Новые притязания братьев Дост-Мухаммед-хана. — Покорение Зурмата. — Возвращение в Кабул и встреча. — Передвижения сайида Ахмад-шаха. — Помощь Дост-Мухаммед-хана пешаварским братьям. — Безрассудства Хабибулла-хана. — Дост-Мухаммед-хан переманивает его сторонников. — Поражение наваба Джабар-хана. — Поход Дост-Мухаммед-хана в Тагхау. — Его опасения относительно Мазулы. — Смерть Мазулы. — Замыслы относительно Джелалабада. — Измена в войске Дост-Мухаммед-хана. — Соглашения. — Клятвы. — Возвращение к управлению гильзаями. — Замечания о характере Дост-Мухаммед-хана. — Его деловые способности. — Его управление. — Замыслы шаха Шуджа-уль-Мулька. — Чувства народа. — Чувства Дост-Мухаммед-хана. — Отказ от предложения принять царский титул. — Прибытие посольства из Кундуза. — Посещение Мир-Алам-хана. — Намерения относительно Баджаура. — Слухи и сообщения.

Братья-вожди Кандагара и Пешавара не оставались безразличными к происходившим в Кабуле событиям. Ни их чувствам, ни их политике не отвечало, чтобы Дост-Мухаммед-хан завладел страной или оставшимися сокровищами покойного брата. До тех пор обстоятельства не позволяли им действовать, да и пока Хабибулла-хан одерживал верх, особой необходимости в движении не было. Теперь, когда он оказался в осаде, им следовало действовать быстро. Шир-Диль-хан со своими братьями поспешил в Кабул под предлогом помощи Хабибулла-хану. Последовало множество беспорядочных столкновений, перемежавшихся предложениями и переговорами, и в конце концов Дост-Мухаммед-хан был вынужден бежать в Кохистан. Кандагарские вожди поздравили Хабибулла-хана и, заверив, что он всегда может рассчитывать на их помощь против злых замыслов Дост-Мухаммед-хана, объявили о своём намерении вернуться в Кандагар. Они присоединились к своему пеш-хане, размещённому в Алиабаде за городом. Хабибулла-хан нанёс им, как ему казалось, прощальный визит, во время которого Мехер-Диль-хан схватил его и немедленно тайком отправил в крепость в Логаре, принадлежавшую Хода-Назару, гильзаю и доверенному министру братьев. Вероломные дядья тут же сели на коней и завладели городом и Бала-Хисаром. Едва ли нужно замечать, что остатки сокровищ попали к ним в руки. Излишней щепетильностью при выборе способов их извлечения они также не страдали. Возможно, Шир-Диль-хан рассчитывал удержать Кабул, но небольшой опыт показал, что это неосуществимо.

Дост-Мухаммед-хан снова взялся за оружие как мститель за Хабибулла-хана, а притеснения Хода-Назара, или Мамы, как его обыкновенно называли, которому поручили управление городом, уничтожили всеобщую благосклонность. Наконец в Кабул прибыли и пешаварские братья-вожди, после чего началась невероятная смесь советов и совещаний. Было бы невозможно подробно изложить поступки и интриги этого периода. Разногласия братьев породили хаотическую неразбериху, и, хотя между собой они ни о чём не договорились, многие из их приверженцев потерпели несчастья. Случалось, их последователи вели смертельную схватку, пока соперничавшие вожди вместе сидели над тарелкой вишен. Улаживание их притязаний было в конце концов ускорено проявлением общественных настроений. Состояние Кабула,

должно быть, было ужасающим, и рассудительные люди наконец принялись думать, какой образ действий избрать, чтобы положить ему конец. Джаванширы и шиитская община решили поддержать Дост-Мухаммед-хана, который тайно прибыл в город и заключил с ними соглашения. Во время совещаний братьев уже решено было умертвить Дост-Мухаммед-хана или ослепить его, и однажды, когда его заманили на встречу, он оказался в комнате, дверь которой снаружи заперли цепью. Угрызения совести или чьё-то заступничество спасли его, и он покинул дом, даже не подозревая, какой опасности подвергался. Теперь, когда стало известно, что шиитская община приняла его сторону, снова приложили все усилия, чтобы захватить его и по меньшей мере ослепить. Чрезвычайную осторожность Дост-Мухаммед-хана удалось преодолеть, и он явился, намереваясь встретиться с братьями. Он уже собирался войти в помещение, где его судьба была бы решена, когда посвящённый в тайну Хаджи-хан знаком велел ему удалиться. Тот послушался, вскочил на коня и умчался галопом. Искатель военной удачи из племени хака, состоявший тогда на службе у Шир-Диль-хана, сумел разглядеть, что при поддержке кызылбашей Дост-Мухаммед-хан имеет все шансы утвердиться у власти. Со времени их знакомства в Герате он всегда испытывал к нему известную симпатию и теперь решил связать свою судьбу с судьбой Дост-Мухаммед-хана. Было весьма удачно предварить этот союз столь значительной услугой.

Обманные соглашения, предложенные братьями своему родственнику с намерением предать его, силой обстоятельств превратились в действительные и прочные. Поскольку предательство не удалось, решено было вновь обратиться к оружию; те же, кто желал завершить разыгрывавшуюся страшную драму, задумали во время ожидаемого боя убить одного из братьев, чтобы, вызвав кровную вражду между ними, привести их к взаимному истреблению. Об этом стало известно, и все признали необходимым уладить дела, не подвергая риску благополучие семьи. На основании вновь достигнутого соглашения Дост-Мухаммед-хан получил Кохистан и Газни, но, поскольку он утратил пешаварские владения, главная его выгода заключалась в более благоприятном положении, какое ему предоставлялось. Город Кабул достался Султан-Мухаммед-хану, второму из пешаварских братьев. Джабар-хану вернули управление гильзаями, а освобождённому из плена Хабибулла-хану передали округа Логар и Горбанд. Управление Джелалабадом, Пешаваром и Кандагаром осталось без изменений.

Когда кандагарские сардары собрались покинуть Кабул, Хаджи-хан исчез, и выяснилось, что он удалился в одну из городских святынь, объявил себя факиром, снял с себя одежду и сидел там с великим смирением, прикрытый одним ланготи, или куском ткани вокруг бёдер. Сардары явились к нему и, спросив, не сошёл ли он с ума, принялись умолять подняться и вернуться с ними, но он поклялся, что отрёкся от мира и намерен как факир провести остаток дней в уединении, молитве и покаянии. Как бы сардары ни относились к этим заверениям, поколебать его решимость они не сумели, а поскольку время не позволяло им долго его уговаривать, они оставили его. Едва те удалились, как Дост-Мухаммед-хан явился к кающемуся факиру и, называя его «баба», или отцом, умолял не оставлять его в новом положении, которым был обязан главным образом ему, а подняться и стать его визирем. Хаджи-хан принялся распространяться о своём отвращении к власти и великих преступлениях, к которым она приводит людей, но Дост-Мухаммед-хан был столь настойчив и ласков, что внезапно все сомнения факира исчезли и, признавшись, что всегда любил сардара, он объявил, что будет служить ему, даже если за это погубит собственную душу.

Не прошло года после возвращения Шир-Диль-хана из Кабула с награбленным у племянника имуществом, как он умер, оставив несправедливо добытые богатства на разграбление братьям. С его смертью Дост-Мухаммед-хан потерял брата, наиболее способного воспрепятствовать его возвышению, того, чьей деятельности и храбрости он более всего опасался. Султан-Мухаммед-хан, правивший Кабулом, убедился, что в Кохистане у него появился опасный сосед. К несчастью для этого вождя, союз кызылбашей с Дост-Мухаммед-ханом заставил

его слишком исключительно опираться на суннитскую партию, и, считая друзей брата собственными врагами, он обращался с ними сурово и презрительно. При его управлении город грозил стать ареной религиозных раздоров; он уже начал страдать от беспорядков, которые, как можно предполагать, разжигали посланцы Дост-Мухаммед-хана. Султан-Мухаммед-хан чрезвычайно любил роскошные наряды, и пристрастие к украшениям и золотому шитью принесло ему прозвище Султан-Мухаммед-хан Тиллахи, то есть Золотой Султан-Мухаммед-хан. Не будучи лишён способностей, он, казалось, мало подходил к управлению и, хотя умел вести дела, по-видимому, не любил ими заниматься. Достойно держась и на поле битвы, и в совете, он охотно покидал и то и другое ради удовольствий гарема. Его правительственные меры были слабы, многое он предоставлял чиновникам. Говорили, что при его владычестве в городе было столько хакимов, или управителей, сколько куча, или городских кварталов. Для борьбы с беспокойным и неутомимым Дост-Мухаммед-ханом требовался более бдительный правитель. Когда Султан-Мухаммед-хан наконец получил от брата послание с требованием оставить город или выйти в поле и оспорить владение им, он принялся обвинять его в вероломстве и клятвопреступлении вместо того, чтобы деятельно ему противостоять. Тем не менее его друзья-сунниты отразили одно или два нападения, но затем их вождь оказался осаждён в Бала-Хисаре. Поскольку ни из Кандагара, ни из Пешавара не последовало никаких движений ему на помощь, можно предполагать, что оказать её было неудобно. Как бы то ни было, при посредничестве друзей был заключён договор, по которому Султан-Мухаммед-хан согласился удалиться в Пешавар, а Дост-Мухаммед-хан обязался взамен ежегодно перечислять ему один лакх рупий. В то время как пешаварский вождь выезжал из Бала-Хисара через восточные ворота, счастливый Дост-Мухаммед-хан вступал туда через западные. Его сторонники и горожане заполнили крепостные стены и насмешливо кричали вслед уходившему Султан-Мухаммед-хану: «Хуш амадид, Султан-Мухаммед-хан Тиллахи!», то есть: «Прощай, Золотой Султан-Мухаммед-хан!»

Теперь Дост-Мухаммед-хан достиг первой цели своего честолюбия — владения Кабулом, однако прекрасно знал, что, как только братья из Кандагара и Пешавара смогут выступить в поход, они оспорят у него это приобретение. Он воспользовался их затруднительным положением и, вместо того чтобы помочь им, ухватился за возможность возвыситься самому.

Чтобы понять происходившие теперь события, следует отметить, что некоторое время назад знаменитый фанатик и самозванец Ахмад-шах прошёл через эти области к землям юсуфзаев, объявив, будто получил свыше власть истребить сикхов и стать хозяином Пенджаба, Индостана и Китая. Проницательные вожди Кабула и Пешавара, оказывая ему почести, подбаивающие сайиду, всё же не были вполне убеждены в божественном происхождении его миссии; однако, относясь к нему с осторожностью, они, как мусульмане, не могли даже внешне возражать против предложенных им священных походов. В стране юсуфзаев его встретили со всей сердечностью; его утверждениям безоговорочно поверили, а воодушевлённое население взялось за оружие, стремясь отличиться в деле веры и получить долю в странах, которые, как уверял сайид, Бог даровал им. Неожиданный успех в возбуждении юсуфзаев заставил пешаварских вождей вступить с ним в переговоры в соответствии с их правилом при любых обстоятельствах оказаться на стороне победителя; и столь бесчисленны были полчища, собранные сайидом, что его триумф, хотя и сомнительный, уже не казался невероятным. Сам сайид был опьянён плодами своей наглости и бесстыдства и, уверенный в победе, начал обращаться с союзниками как с подчинёнными. Их задетая гордость немедленно привела к возобновлению сговора с сикхами, и в последовавшем сражении они бежали в самом начале, посеяв смятение и бедствие среди нестройных полчищ сайида. Дерзкий и хитроумный самозванец удалился в своё убежище среди юсуфзаев, проклиная Яр-Мухаммед-хана и угрожая ему мстостью. Дост-Мухаммед-хан переписывался с сайидом, и весьма кстати вышло, что его действия, удерживавшие внимание пешаварских вождей, благоприятствовали замыслам кабульского правителя.

Хаджи-хан непрестанно сокрушался, что раздоры между братьями одного семейства мешают ему выступить с их объединёнными силами на помощь святому сайиду Ахмад-шаху.

Я уже рассказывал о результате союза кандагарских и пешаварских братьев-вождей с целью смирить Дост-Мухаммед-хана, а также о деятельном участии сайида Ахмад-шаха, помешавшем пешаварским вождям выступить на запад. Поскольку братья уже заключили договор с Дост-Мухаммед-ханом как с кабульским правителем, отныне они отказались от нападков на него из-за неправомерных притязаний и стали оспаривать его положение с другой стороны, утверждая, что он обязан отдавать часть своих доходов на расходы, которые они несут, защищая свои владения соответственно от Камрана с одной стороны и сикхов с другой, тогда как он, находясь посередине, живёт спокойно, беззаботно умножая богатства; пожалуй, они проявили бы страх, если бы прибавили к этому то, что всё же чувствовали относительно собственного унижения. На требования прислать деньги или войска вождь неизменно отвечал, что первых дать не может, а вторые отправит лишь тогда, когда их территории действительно подвергнутся вторжению.

Едва кандагарское войско отступило от Газни, Дост-Мухаммед-хан по настоянию Хаджи-хана выступил на Зурмат, страну гильзаев сулейман-хель. Вождь неохотно согласился на поход, боясь, как он говорил, поднять гильзаев. Поход завершился успехом; множество крепостей было разрушено, наложена дань и установлена её ежегодная уплата на будущее. Во время этой кампании среди войск распространилась холера и унесла несколько жизней. Заболел и Дост-Мухаммед-хан и, не зная, чем всё кончится, заклинал Хаджи-хана в случае его смерти отвезти жён в Кабул.

Вождь вернулся в столицу среди празднеств и иллюминаций и прежде никогда не въезжал в неё с такими приятными чувствами. Счастлив был бы он, если бы обладал умеренностью и мог и дальше столь удовлетворённо наслаждаться властью; но дух честолюбия увлёк его, и сомнительные поступки вскоре уменьшили его популярность. Он, как и его братья, нарушил семейный договор, а частые перемены и смещения правителей доказали его несостоятельность. Подозрительное отношение братьев и родственников к Дост-Мухаммед-хану не ослабевало по мере роста его могущества и способности вредить им, и далее мы увидим, насколько обоснованно его страшились и как неторопливо, но решительно он продолжал подчинять их и осуществлять планы собственного возвышения.

Окончательное утверждение Дост-Мухаммед-хана у власти в 1827 году не повлекло немедленного изменения в распределении страны. Потеря Кохата и Хангу потребовала позаботиться о сыновьях Самад-хана, и, поскольку Дост-Мухаммед-хан не заинтересовался их участью, они оказались на попечении Мухаммед-Земан-хана, который передал Мухаммед-Осман-хану город Балла-Баг, а Саду-хану — деревни на Джелалабадской равнине.

В 1829 году сайид Ахмад-шах предпринял серьёзное нападение на пешаварские владения; во время продвижения он захватил киллу, или крепость, Хунд, а выступивший возвращать её Яр-Мухаммед-хан подвергся внезапному ночному нападению и был убит. Победоносный сайид, поддерживавший связь с Файзулла-ханом Хазар-хани, могущественным пешаварским земиндаром, вступил в город и удерживал его несколько дней. Вожди удалились в Хайбер. Во время пребывания сайид вёл себя умеренно, обсуждая с муллами вопросы веры и убеждая их, что он не ваххабит, в чём они, по-видимому, его обвиняли. Другим он раскрывал свои чувства и сожалел о том, что не захватил Кабул, который мог бы служить опорным пунктом для его действий. Он начал переговоры с бежавшими сардарами, и те охотно приняли все предложенные условия, не имея намерения их выполнять. Договорились, что сайид удалится, оставив в Пешаваре представителя для получения одного лакха рупий. Файзулла-хан и все прочие сторонники сайида должны были пользоваться неприкосновенностью, а сардары как добрые мусульмане должны были помогать ему в будущих сражениях с сикхами. Сардары снова вошли

в свой город, а спустя несколько дней убили посланника сайида и Файзулла-хана. Последний, выйдя из дарбара, получил первую рану от руки Пир-Мухаммед-хана, младшего из сардаров.

Приготовления сайида отомстить за эти вероломные поступки заставили обратиться за помощью к Дост-Мухаммед-хану и в Лахор. Поскольку целостность пешаварских владений оказалась нарушенной, Дост-Мухаммед-хан послал наваба Джабар-хана и Хабибулла-хана с их войсками поддержать братьев. Сикхи также, чьим интересам не отвечало занятие Пешавара сайидом, приказали войску переправиться через Атак. В округах юсуфзаев произошли отдельные стычки, и кампания закончилась отступлением сайида и возвращением крепости Хунд. Наваб Джабар-хан вернулся в Кабул, а Хабибулла-хан остался в Пешаваре. Дост-Мухаммед-хан был рад возможности снова завладеть доходами племянника.

Этот пылкий юноша собрал вокруг себя восемьсот весьма распушенных, но решительных всадников. Бесчинства, творимые им и его людьми в Пешаваре, были столь необычайны, что неоднократно все городские лавки запирались, словно во время осады. Сардары, не зная, что с ним делать, наконец хитростью убедили его покинуть город, и, обнаружив, что обратно его впускать не намерены, он отправился в Лалпуру, город момандского вождя Садат-хана. Там он два или три месяца оставался вынужденным и нежеланным гостем и, опустошив город, двинулся вверх по долине Джелалабада. Мухаммед-Земан-хан бежал при его приближении и явился в Кабул, умоляя Дост-Мухаммед-хана о помощи. Тот улыбнулся и заметил, что, если он не способен защитить владения, может обойтись и без них. Хабибулла не занял джелалабадскую резиденцию Мухаммед-Земан-хана, а, миновав город, обосновался примерно в миле за ним, в крепости Джахан-Немахи, принадлежавшей Мирзе Ага-Джану, одному из министров. Здесь он со своими людьми жил за счёт страны, ни за что не платя. Им некоторое время позволяли без помех продолжать преступное существование, чтобы народ окончательно пресытился их бесчинствами, а мера, задуманная Дост-Мухаммед-ханом, выглядела оправданной. Когда пришло время, он отправил Мухаммед-Земан-хана обратно с войсками, предварительно обработав приверженцев Хабибуллы, которые все перешли на другую сторону и были приняты на службу.

Навабу Джабар-хану поручили возглавить поход в долину сафи в Тагхау. Вступив в долину, он вечером подвергся внезапному нападению Мазулы, главного из мелких маликов, и вызванная им паника оказалась столь полной, что войска бежали, бросив обоз и два привезённых орудия. Наваб последним сел на коня, но ни его просьбы, ни собственный пример не могли остановить бегущих. Дост-Мухаммед-хан решил, что ему необходимо покорить Мазулу и вернуть свои пушки. Поэтому в 1831 году он лично выступил к Тагхау. Утверждают, что наваб Джабар-хан желал, чтобы неудача брата ослабила порицание за собственное поражение, и его письма, побуждавшие Мазулу сопротивляться, были перехвачены. Друзья наваба уверяют, что его печать была подделана.

Дост-Мухаммед-хан вошёл в Тагхау и покорил главные замки, тогда как джезайльчи его брата Амир-Мухаммед-хана прочёсывали долину. Наконец Мазулу убедили, под гарантии Хаджи-хана и добрых мусульман в лагере, явиться к Дост-Мухаммед-хану с выражением почтения, и он обязался уплатить определённую сумму немедленно, а впредь перечислять ежегодную дань. Оставленные пушки возвратили. Мазула-хан был одним из людей, которых боялся Дост-Мухаммед-хан. Он не был великим человеком, но осмеливался действовать, а в некоторые времена пример заразителен. Впоследствии Мазула-хан посещал Кабул, но обладал такими гарантиями, что его личность оставалась неприкосновенной. Явись он ещё раз, он пожалел бы о доверчивости. Дост-Мухаммед-хан, желая избавиться от него, предложил награду в три тысячи рупий тому, кто убьёт его. Награду потребовали обманным образом, и Дост-Мухаммед-хан так обрадовался, что выдал деньги, даже не удостоверившись в праве просителя. Спустя некоторое время Мазулу убил человек, который приблизился к нему смеясь

и направил на него мушкет; негодя тут же зарубили. Так никогда и не выяснили, кто, если вообще кто-нибудь, побудил его убить собственного вождя.

После подчинения Мазулы и Тагхау Дост-Мухаммед-хан выступил в Лагман, и выяснилось, что он имеет намерения относительно Желалабада. Мухаммед-Земан-хан, заранее извещённый об этом, обратился за помощью к пешаварским вождям, которые, считая захват Желалабада первым шагом к осуществлению замыслов кабульского правителя против них самих, решили помочь и со всей поспешностью выступили к Бишбулаку в долине Желалабада, под прикрытием хайберских холмов. Поскольку дело было семейным, наваб Джабар-хан, Мухаммед-Осман-хан и другие оказались вовлечены в союз для поддержки Мухаммед-Земан-хана. При приближении кабульских сил Мухаммед-Земан-хан отступил за реку, и Дост-Мухаммед-хан последовал за ним. День прошёл в перестрелках, а на следующее утро, когда Дост-Мухаммед-хан решил дать решительное сражение, наваб Джабар-хан и его сторонники решительно отказались садиться на коней и участвовать в бою. Скованный в действиях и не зная, как далеко простирается заговор в его собственном лагере, одновременно находясь под угрозой соединения желалабадских и пешаварских сил, Дост-Мухаммед-хан почувствовал себя бессильным.

Наваб Джабар-хан теперь принял на себя роль посредника и примирителя — занятие, которое он так любит, что над ним шутят, будто он сам создаёт затруднения ради удовольствия их разрешать. Ему, однако, предстояло убедиться, что посредники не всегда приятны всем сторонам и что, приводя в порядок чужие дела, можно поставить под угрозу собственные. Желая спасти Мухаммед-Земан-хана, он не хотел уничтожить Дост-Мухаммед-хана, а потому, не вполне разделив намерения пешаварских вождей, считавших момент подходящим, чтобы свести его значение к ничтожному, восстановил против себя их и Мухаммед-Земан-хана. Дост-Мухаммед-хан, разумеется, был раздражён тем, что ему помешали захватить добычу, уже находившуюся в его руках. Благодаря искусному соглашению наваба Джабар-хана вторжение объявили дружеским посещением, а бывшую перестрелку — несколькими праздничными залпами по этому случаю. Мухаммед-Земан-хан должен был подарить гостю Дост-Мухаммед-хану сорок тысяч рупий в качестве «мехмани», или платы за угощение. Кабульские и пешаварские войска должны были соответственно отступить. Мухаммед-Земан-хан жалел денег, пешаварские вожди негодовали, что их напрасно подвергли хлопотам и расходам, а Дост-Мухаммед-хан был возмущён неудачей.

Однако кабульский правитель, желая извлечь из происшествия всю возможную пользу, притворился раскаивающимся за свой поход на Желалабад и оправдывался тем, что послушался дурных советов. В некоторой степени он вернул доверие Мухаммед-Земан-хана и наконец собственноручно написал на листе его Корана целую череду страшных проклятий на свою голову на тот случай, если когда-нибудь отнимет у него Желалабад. Он и его брат Амир-Мухаммед-хан оба приложили печати к этому замечательному документу. На время усыпив подозрения Мухаммед-Земан-хана, он возвратился в Кабул и сообщил навабу Джабар-хану, что, услышав столь многочисленные жалобы на его дурное управление гильзайскими округами, вынужден передать их Амир-Мухаммед-хану, чтобы тот навёл там порядок. Таким образом наваб лишился своего владения.

Условия Газнийского договора, касавшиеся пересылки доходов Логара, никогда не были выполнены, а последующая смерть Фур-Диль-хана позволила кабульскому правителю совершенно не опасаться дальнейших затруднений со стороны Кандагара. Покойный сардар, хотя и не пользовался популярностью из-за несколько отталкивающей манеры держаться, был умён и способен вести дела, чего нельзя было сказать ни об одном из оставшихся братьев. Путаница, в которую вскоре пришли их дела, сделала их ненавистными всем сословиям, и Дост-Мухаммед-хан не испытывал огорчения, получая время от времени в Кабуле известия об их тирании и дурном управлении.

Теперь я изложил некоторые главные события в жизни Дост-Мухаммед-хана до 1832 года, когда во второй раз прибыл в Кабул. Нельзя не заметить, что его путь был весьма необычен. Обладая разнообразными дарованиями, но лишённый принципов, он одолел соперников и возвысился к власти — великой цели своего честолюбия.

Пытаться изобразить характер человека, у которого нет никакого характера, было бы смешно. Он становился хорошим или дурным в зависимости от того, что считал выгодным. И всё же свойства, полученные им от природы или приобретённые в общении с миром, не делали его великим человеком: первые не позволяли ему совершать великодушные поступки, вторые — доверять какому-либо человеческому существу. У Дост-Мухаммед-хана могли быть сообщники, но никогда — друзья, и его власть, воздвигнутая на обмане и ловком превосходстве над другими, всегда могла быть уничтожена тем же оружием. Многие его пороки и ошибки, несомненно, были пороками и ошибками его соотечественников и обстоятельств. Судьба поставила его в такое время, когда честности едва ли возможно было процветать. Родись он наследником законной власти, он, вероятно, выглядел бы весьма достойно; его таланты получили бы надлежащий простор для развития и применения, и он избежал бы множества злодеяний, которые тогда оказались бы ненужными. Отмечали, что он никогда не действовал из прихоти и не причинял зла просто ради зла, что он был способен испытывать стыд, однако оставалось сомнительным, стыдился ли он совершённого дурного поступка или того, что ничего от него не выиграл.

Справедливости ради следует отметить поведение Дост-Мухаммед-хана в его новом качестве верховного правителя Кабула, тем более что во многих отношениях оно делает ему немалую честь. С юных лет он предавался распутству и был склонен ко всем порокам своей страны. Став хозяином Кабула, он отказался от вина и прочих запрещённых удовольствий. Как глава общины он был обязан подавать пример, который никто не мог бы осуждать. Относительно его усердия и способностей к делам могло существовать лишь одно мнение. Он не получил образования и теперь почувствовал вред этого и усилием, потребовавшим в его возрасте значительной решимости, преодолел последствия пренебрежения, допущенного в молодости. Он научился читать и писать. Во всех делах, где не затрагивались политические вопросы, он был справедлив, беспристрастен, свободен от высокомерия и доступен людям всех сословий. Благодаря бдительности в управлении страной преступления сделались редки. Люди переставали совершать их, зная, что придётся отвечать. Не может быть сомнения в том, что Кабул в это время процветал: будучи чужестранцем и наблюдая всеобщее довольство и благополучие, я не мог не приписывать их справедливому правлению Дост-Мухаммед-хана; однако позднее мне предстояло узнать, что столь хорошие результаты могли происходить от иных причин, нежели его справедливость или забота о благосостоянии подданных.

В июне месяце в Кабул поступили известия о намерении бывшего государя, шаха Шуджа-уль-Мулька, выйти из своего убежища в Лудиане и попытаться восстановить царскую власть в Кабуле. Чувства, вызванные этим сообщением, показали по меньшей мере, что народ, даже не имея справедливых причин жаловаться на нынешнего правителя, не был против перемены власти. Естественно, это породило серьёзную тревогу в душе Дост-Мухаммед-хана, тем более что, хотя он и не признавался в этом, должен был подозревать, что бывший шах собирается выступить с одобрения, если не при поддержке британского правительства Индии. Можно спорить о том, было ли политически благоразумным или достойным позволять изгнанному королю организовывать вооружённые силы на британской территории. Впервые услышав слухи, Дост-Мухаммед-хан воскликнул: «У меня нет денег, чтобы вывести армию в поход; склонности гулам-ханы хорошо известны. У меня есть лишь несколько афганцев, на которых я могу положиться».

Мирза-Сами-хан, Хаджи-хан, хан-мулла Сайфаддин-хан и другие убеждали Дост-Мухаммед-хана в необходимости принять царское достоинство, как для того, чтобы встретиться с противником на поле боя в равном положении по рангу, так и ради преодоления пространственного среди афганцев убеждения, что павшие под знамёнами падишаха, или законного монарха, могут надеяться на награду мучеников за веру, тогда как погибшие под другими знамёнами не могут столь же уверенно рассчитывать на неё. Родственники сардара единодушно и ожесточённо воспротивились этому замыслу; отчасти под воздействием их настойчивости, а возможно, не менее сильно вследствие известия, что народ в целом относился к делу с насмешкой, от замысла отказались, причём Дост-Мухаммед-хан заметил, что человеку, не имеющему денег, не пристало становиться царём.

В августе в Кабул с посольством прибыл Атмар, индусский диван узбекского вождя Кундуза Мир-Мухаммед-Мурад-бега. В качестве даров он привёз двадцать семь лошадей и двенадцать овец, а также ткани и прочее. Официально объявленные цели его приезда касались передвижений персов в Хорасане и объявленного похода бывшего шаха Шуджа-уль-Мулька; предполагалось заключить между Дост-Мухаммед-ханом и его господином наступательный и оборонительный союз, скреплённый семейными браками. Кундузский вождь обещал по требованию выставить семь тысяч всадников. Многие подозревали, что дивана послали лишь для того, чтобы как следует разведать положение дел в Кабуле. Несомненно, он вёл интриги со многими лицами, особенно с Хаджи-ханом, получившим назначение в Бисут и Бамиан. Никто не возмущался одним лишь упоминанием союза с узбеками сильнее, чем этот хан, а Дост-Мухаммед-хан, собиравшийся при удобном случае когда-нибудь посетить Кундуз, уклонился от милостивого предложения Мир-Мухаммед-Мурад-бега, объявив себя недостойным его благосклонности.

Через несколько дней после прибытия дивана Дост-Мухаммед-хан принял более знатного гостя — Мир-Алам-хана, вождя Баджаура. Когда зимой кабульский правитель потерпел неудачу в попытке завладеть Джелалабадом, он пригрозил двинуться на Баджаур; от исполнения намерения его отвлекли полученная сумма, около десяти или двенадцати тысяч рупий, и обещание Мир-Алам-хана приехать в Кабул. Теперь тот выполнил обещание, но принял всевозможные меры для своей безопасности. Мухаммед-Земан-хан из Джелалабада приехал на несколько дней раньше его, а сам гость получил совместные гарантии Мирзы-Сами-хана, навабов Джабар-хана и Мухаммед-Земан-хана, Хаджи-хана и хана Шерин-хана. С ним прибыла многочисленная свита, состоявшая из отборных людей, хорошо одетых и на прекрасных конях. Дост-Мухаммед-хан принял его с большим почётом и поселил в собственном дворце. Выяснилось, что баджаурский вождь некогда отправил совсем юную дочь к визирю Фатех-хану, который предназначал её в жёны одному из своих сыновей. Девушка выросла и теперь жила среди жён Дост-Мухаммед-хана. Было предложено выдать её за одного из сыновей кабульского правителя, на что Мир-Алам-хан, считавший дочь потерянной для себя, согласился. Баджаурский вождь провёл несколько дней в качестве гостя и, хотя с ним обращались любезно, уезжал с радостью, в глубине души решив никогда больше не отдавать себя во власть Дост-Мухаммед-хана.

Баджаур был страной, которой сардар чрезвычайно желал завладеть, и его приобретение составляло главную непосредственную выгоду, на которую он рассчитывал в случае овладения Джелалабадом. Помимо того, что Баджаур дал бы ему господство над равнинами Пешавара и связь с фанатическими горными племенами между ним и Кашмиром, благодаря удалённому положению и великой природной крепости он превосходно служил бы оплотом и убежищем в случае перемены судьбы. Раздоры дурранийских вождей позволили баджаурским правителям прийти к своего рода независимости. Мир-Алам-хан, обнаружив, что Дост-Мухаммед-хан строит замыслы против его владений, заключил союз с братьями-вождями Пешавара, которые

охотно объединились с ним, справедливо считая сохранение его страны необходимым для безопасности собственной.

В течение осени в городе ходило множество сообщений, касавшихся Хорасана и действий шаха Шуджа-уль-Мулька. На базаре также постоянно говорили, будто сардар намерен схватить Хаджи-хана. Однако со временем этот вождь отправился в свой поход в Бисут и Бамиан, о чём я рассказал в предыдущем томе.

ГЛАВА V

Изыскания. — Курган. — Находки. — Рукописи на листах туза. — Изваяния. — Предположения. — Древность рукописей. — Тревога друзей. — Общение с Мухаммед-Акбар-ханом. — Его здравые замечания. — Анекдот о господине Муркрофте. — Скульптурное изображение, найденное доктором Джерардом. — Экскурсии. — Возвращение Хаджи-хана. — Оказанный ему приём. — Посещение Хаджи-ханом Кундуза. — Гостеприимство Мир-Мухаммед-Мурад-бега. — Восстание в Бадахшане. — Алима Хаджи-хана. — Договор с Мухаммед-Мурад-бегом. — Ответы Рахматулла-бега. — Судьба пленников из Дех-Занги. — Прощальное замечание Рахматулла-бега. — Освобождение родственников Мир-Езданбахша. — Намёки Хаджи-хана, обращённые к ним. — Замыслы Хаджи-хана. — Самандар-хан. — Осмотрительность Дост-Мухаммед-хана. — Окончательное решение Хаджи-хана. — Упрёки Дост-Мухаммед-хана. — Ответ Хаджи-хана. — Приём посланников и вождей. — Кража. — Насмешливый совет Дост-Мухаммед-хана. — Хаджи-хан распускает своих людей. — Приписываемый ему замысел. — Хусейн-хан. — Замечание Хаджи-хана. — Действия Мир-Мухаммед-Мурад-бега. — Судьба Мухаммед-Али-бега. — Абдулла-хан.

Прожив теперь целый год в этой стране без перерыва и в полной безопасности, я осмелился испытать, не встретит ли возражений исследование некоторых из многочисленных искусственных курганов у подножия холмов. Я не мог обратить внимание на большие топы, исследование которых требовало значительных расходов; однако и менее внушительные памятники старины могли вознаградить затраченные на них труды, а выяснив, какое отношение вызовут мои раскопки, я мог подготовить почву к тому времени, когда буду в состоянии заняться более значительными сооружениями. Не испрашивая ни у кого разрешения, я приступил к работам на кургане у подножия горы Кох-Тахт-Шах, отделённой от зиярата Панджа-Шах-Мирдан горным отрогом. Он находился у входа в небольшой хол, или ущелье, называемое Хол-Шамс, где имелись родник и несколько деревьев. Это место я часто посещал вместе с компаниями, выезжавшими на пикники. Ниже него, к востоку, находились крепость и сад, принадлежавшие Ахунду Иддаитулле, уже упомянутому в моём рассказе о поездке в Бамиан. Я познакомился с его сыновьями, которые заинтересовались моими исследованиями и помогали их проведению. Курган состоял из двух уступов, причём и нижний, и верхний были изрыты пещерами. В середине верхнего уступа находилось круглое углубление, которое мои друзья считали хаузом, или водоёмом. Эти пещеры уже посещали обитатели крепости, и из одной из них была принесена медная лампа, находившаяся теперь у ахунда. Я получил от них образцы необожжённых кирпичей, употреблённых при сооружении кургана. Каждый имел шестнадцать дюймов в длину и ширину и шесть дюймов в толщину. На одной стороне был отпечаток руки, на другой — изображение или знак «4». Предание связывает это место с Заком-шахом, противником Хазрата Али, и потому мало способствует его объяснению. В течение четырёх или пяти дней мы обнаружили почти у одного из углов кургана так, или арочную нишу, украшенную резьбой и опирающуюся на две тонкие колонны. В ней мы нашли остатки нескольких глиняных изваяний; только головы двух наиболее крупных сохранились настолько хорошо, что их можно было извлечь. Они, очевидно, принадлежали женским фигурам и отличались весьма правильными и красивыми чертами. Хотя сырость, которая естественным образом за многие столетия насквозь пропитала курган и всё, что было в нём сделано из простой глины, повредила их, по слабым следам мы всё же смогли установить, что первоначально фигуры были покрыты слоями

белой и красной краски, а поверх последней наложены листочки сусального золота. Волосы на головах, со вкусом уложенные в локоны, были окрашены в лазурный цвет. Сама ниша также была украшена сусальным золотом и красками цвета лазурита. Вместе с фигурами находились разнообразные игрушки, совершенно подобные тем, какие индусы изготовляют и поныне, и ничуть не более изящные: лошади, овцы, коровы и прочие животные из искусственной массы. Но важнейшая находка была ещё впереди. У основания ниши лежали тёсанные камни; когда их убрали, мы обнаружили зажатые между ними письма нагари на листах туза. Способ их размещения, очевидно избранный ради сохранности рукописей, не защитил их от естественного разрушения и всепроникающей сырости.

На многих обрывках письменных листов знаки были весьма отчётливы и разборчивы. Мне пришло в голову, что исследование противоположного угла кургана может привести к подобным результатам; наши труды, однако, не подтвердили этого предположения. Затем мы вскрыли насыпь между двумя углами, и вскоре стало ясно, что это пространство занимал ряд небольших помещений. Некоторые из них мы расчистили. В одном, некогда увенчанном куполом, мы нашли несколько изваяний разной величины, причём одно из них достигало восьми или десяти футов в длину. Все они были изготовлены из чистой глины, покрыты сусальным золотом и лежали горизонтально. Мои спутники-мусульмане забавлялись тем, что соскабливали с них золото, но изваяния были столь пропитаны влагой, что невозможно было даже полностью освободить от земли хотя бы одно из них. В другом помещении, также украшенном лепными деталями и расписанном белой, красной и лазурной красками, мы нашли три глиняные лампы, железный гвоздь и один или два обломка железа. Кусков древесного угля попадалось много, а временами обнаруживались также отдельные кости и черепки красной и чёрной глиняной посуды; последняя была хорошей работы.

Я так подробно описал здесь результаты раскопок потому, что именно таких находок следует ожидать при исследовании многочисленных искусственных курганов, повсюду в этих странах привлекающих внимание и, несомненно, имеющих общее происхождение. Я не мог удержаться от предположения, что это место было намеренно засыпано землёй, что, впрочем, представлялось очевидным, или что его могли засыпать в какой-нибудь критический момент, когда поток завоевателей устремился на Кабул и было сочтено необходимым скрыть храмы и погребальные места, чтобы уберечь их от осквернения. Найденные обрывки писем представляют известную ценность, поскольку исследования господина Принсепа позволили расположить в виде таблицы знаки нагари, употреблявшиеся в различные эпохи. Нашим находкам мы не можем приписать особенно глубокой древности. Если высказанные нами предположения имеют основание, это место могло быть покинуто и скрыто при вторжении Себуктегин-хана, основателя Газневидской династии.

Мои исследования стали предметом разговоров в городе, и после того, как сын ахунда Иддаитуллы продал ювелиру соскобленное им с изваяний сусальное золото, кажется, менее чем за рупию, друзья стали умолять меня впредь отказаться от подобных занятий, уверяя, что страна дурна, люди в ней не лучше и я, вероятно, навлеку на себя неприятности. Я улыбался, стараясь успокоить друзей и внушить им, что, пока плодами моих трудов будут лишь разбитые идола, на меня едва ли обратят серьёзное внимание.

Мухаммед-Акбар-хан, сын Дост-Мухаммед-хана, прослышав о моих находках, прислал за мной и пожелал их увидеть. Он был восхищён двумя женскими головами и сожалел о том, что идеальную красоту, созданную ваятелем, невозможно встретить в природе. С тех пор между нами установилось некоторое знакомство, и молодой сардар стал часто приглашать меня к себе. Я сделался довольно постоянным гостем за его чайным столом и получил от него распоряжение, адресованное различным малекам и вождям Кохистана и Горбанда, оказывать мне содействие во всех исследованиях, какие я пожелаю предпринять в этих областях, где сардар тогда был хакимом, или правителем. Меня столь же обрадовал, сколь и удивил здравый смысл,

проявленный молодым сардаром в понимании сущности и цели моих исследований. Тем из окружавших его, кто предполагал, что я ищу сокровища, он заметил, что единственное моё намерение состоит в содействии науке, что принесёт мне почёт по возвращении на родину; он добавил, что, если у дуррани пользуется уважением воин, то у европейцев почитают людей «ильм», то есть науки. Во время одного из этих маджлисов, или бесед, когда разговор зашёл о топах, один человек рассказал, что сопровождал Муркрофт-сахиба во время посещения Дарунты и что, когда тот осматривал тамошние памятники, ему принесли монету, на которую сахиб посмотрел через увеличительное стекло и сказал: «Теперь я понимаю значение топ».

Моё общение с сардаром рассеяло опасения друзей и побудило меня безбоязненно продолжать исследования. Я всегда полагал, что они не вызовут неудовольствия, и был уверен, что, если стану действовать открыто и честно, со мной поступят столь же честно. Ничего более существенного из кургана извлечь не удалось; но я могу здесь заметить, несколько забегая вперёд, что в конце осени того же года, когда доктор Джерард прибыл в Кабул, я указал ему это место как такое, где можно найти какой-нибудь памятник, который он желал приобрести и увезти с собой в Индию. Оттуда он и добыл мраморную плиту с резным изображением, отправленную в Азиатское общество в Бенгалии; рассказ о ней, составленный его мунши и спутником Мохан-Лалом, появился в «Журнале Общества» за сентябрь 1834 года.

В предыдущем году я совершал пешие прогулки в пределах шести миль вокруг города; теперь я почувствовал, что могу безопасно расширить их радиус, и прежде всего направился в Кох-Даман и Кохистан. С одним слугой я предпринял последовательно несколько пеших походов в Шакр-Дару, Ферзу, Исталиф и наконец добрался до Чарикара. Во время этих вылазок я стремился не столько обстоятельно исследовать положение и древности этих областей, сколько освоиться с дорогами и завести знакомства. Чужестранцу вроде меня, путешествующему без палатки и свиты, нелегко бывает найти дом для ночлега, если, конечно, не воспользоваться мечетью. Ночевать под открытым небом и небезопасно, и неприлично. Мне удалось приобрести знакомых во всех селениях, служивших остановками на пути между Кабулом и Чарикаром, притом не только на одной дороге, но и на всех различных дорогах, соединявших эти места, и я был уверен, что, куда бы ни зашёл, меня примут любезно.

Июнь начался с пасмурной и ветреной погоды. Восьмого и девятого числа произошли слабые землетрясения. Оба сопровождались протяжным грохочущим шумом. Двенадцатого числа мой старый друг Хаджи-хан прибыл в Кабул. Он разбрасывал деньги среди народа и направился прямо во дворец сардара. Его торжественно произнесённое «Салам алейкум» встретило должный ответ Дост-Мухаммед-хана, который взял его за руку и повёл в свой гарем, где представил давно отсутствовавшего хана своей любимой жене, матери Мухаммед-Акбар-хана, сказав ей, что её баба (отец) вернулся. На следующее утро бабе сообщили, что его джаидад в Бамиане передан сыну сардара, Мухаммед-Хайдар-хану, а сам он будет ежегодно получать деньгами сумму, равную доходам с этого владения.

Полагаю, будет уместно вкратце рассказать здесь о действиях хана после того, как я оставил его в Бамиане. Я уже упоминал, что он состоял в переписке с Мир-Мухаммед-Мурад-бегом из Кундуза. По-видимому, средства к существованию у него истощились, и он решил стать гостем мира. Чтобы унять требования своих воинов о жалованье и избавить их от тревоги за семьи в Кабуле, он распорядился изготовить письма, которые затем зачитал солдатам как будто полученные от их родных из города и сообщавшие, что там по приказанию хана его доверенный выплатил каждому из них определённую сумму денег. Чтобы ещё более развлечь людей, он объявил о намерении построить город, а также разбить двух идолов, из которых один, по его утверждению, был полон алмазов, а другой — рубинов, сославшись, разумеется, на всем известную историю о султани Махмуде. Наконец, не имея возможности дольше оставаться в Бамиане, где он, по-видимому, задерживался сколько мог, быть может, не доверяя ещё не испытанной им земле Туркестана, он раздал каждому солдату по одиннадцать пайсов и отправился

в Кундуз. Он избрал дорогу через Сейган и Кахмерд. Гостеприимство кундузского вождя не знало границ. На каждой остановке в изобилии доставлялось продовольствие всевозможных видов, не забывали и о лакомствах. Афганским солдатам выдавали чай и сахар, а служители мира изнуряли себя, переходя от палатки к палатке, чтобы удостовериться, что ни в чём нет недостатка. При приближении к Кундузу оказалось, что через болота и рисовые поля, окружающие город, специально для прохода хана и его войск была проложена дорога. Мир-Мухаммед-Мурад-бег был внезапно вызван для подавления восстания в Файзабаде Бадахшанском. Хаджи-хан из соображений чести настоял на том, чтобы сопровождать его. Афганцы не могли поспевать за стремительными передвижениями узбеков. Они следовали за ними и достигли Файзабада уже после его взятия. Мир по прибытии овладел городом приступом, обратил жителей в рабство, а их вождя Мир-Яр-бег-хана заточил в темницу.

Хан, зная о мусульманском рвении Мир-Мухаммед-Мурад-бега, приготовился предстать перед ним в выгодном свете. Многих своих домашних слуг он превратил в муфтиев, казиев, ахундов, мулл и тому подобных лиц и окружил себя внушительной алимой. При всех разговорах с узбекским вождём присутствовала эта шайка обманщиков, а хан, беспрестанно ссылаясь то на муфтия-сахиба, то на казия-сахиба, делал вид, будто и говорит, и действует исключительно согласно предписаниям Корана. Общение двух столь ревностных мусульман, должно быть, доставляло им великое удовольствие. Хан оставался в Кундузе, пока пребывание там было ему приятно; и я слышал, что Мир-Мухаммед-Мурад-бег рассказывался в том, что, по его собственному выражению, показал афганцам свою страну. Однако посещение оказалось выгодным для хана не в одном отношении, и он получил в разное время от дивана Атмара, надо полагать с ведома мира, тридцать пять тысяч рупий. Во время своего пребывания он заключил с вождём договор, по которому Кахмерд, Сейган и Аджер присоединялись к бамианскому владению, и покинул Кундуз, несомненно оставив Мир-Мухаммед-Мурад-бега в убеждении, что тот приобрёл в Кабуле могущественного и надёжного друга. Возвращаясь, он по прибытии в Кахмерд пожелал, чтобы Рахматулла-бег развёлся с одной из своих жён, отказался от вина и сделался мусульманином. Рахматулла спросил, как может он прогнать женщину, прожившую с ним тридцать лет и родившую ему много детей. Что же до вина, то, сказал он, Киллич-Али-бег разрешил ему его пить. На сей раз хан не мог с соблюдением хотя бы видимости приличия наложить руку на имущество кахмердского вождя и с неохотой вынужден был отказаться от этого намерения. Тем не менее он получил от него большое количество зерна под обещание уплаты, о которой склонен был позабыть. Ему указали, что подобное поведение нанесло бы урон его доброму имени, и подсказали, что представляется удобный случай распорядиться пленными вождями Дех-Занги, которых Рахматулла охотно принял бы вместо денег. Соответственно, пленников передали ему, а он объявил несчастным, что они получают свободу в обмен на определённое число рабынь. Рахматулла-бег проводил хана до вершины перевала, ведущего из его долины в Сейган, и, простившись с ним, повернулся к своему мирзе и сказал: «Он увёл с собой моего сына, но, если в следующем году он снова перейдёт через этот перевал, можете сбрить мне бороду и сказать, что я не мужчина». В Бамиане к хану присоединились эльчи из Бухары, Хульма, Кундуза, Шибергана и других мест. В его лагере находились вождь Аджера и сыновья вождей Кахмерда и Сейгана. Он собрал порядочное общество дипломатов и подвластных вождей и успел совершить немало дел, но, к несчастью, без каких-либо инструкций и полномочий. Весьма вероятно, что хан с большим удовольствием остался бы в Бамиане, нежели возвращался в Кабул, но выбора у него не было, да и удовлетворительных известий о продвижении шаха Шуджа-уль-Мулька он не получал. Поэтому он освободил родственников Мир-Езданбахша, до тех пор содержавшихся в оковах, и многозначительно сказал им, что смерть мира и обращение с ними были следствием приказаний, полученных им из Кабула, а теперь они покажут, мужчины они или нет. Мир-Аббас, главный среди них, понял намёк и принялся грабить караваны. В Сир-Чишме хана всё ещё одолевали сомнения, следует ли ему

продолжать путь в Кабул, и он послал в город за деньгами и несколькими сотнями комплектов подков. Об этом донесли Дост-Мухаммед-хану, который без всяких замечаний распорядился немедленно отправить и деньги, и подковы. Весьма возможно, что он был бы очень рад, если бы хан вовсе исчез. Этого странного человека обвиняют в том, что тогда он замыслил ограбить караван, сопровождавший его отряд из Бамиана, и затем добраться до Тобы, откуда мог бы, по обстоятельствам, либо отправиться навстречу шаху Шуджа-уль-Мульку, либо устроить свои дела иным образом. Было известно, что к шаху присоединился Самандар-хан из поपालзаев, а следовательно, почётное место при принце уже было занято, и Хаджи-хан не согласился бы играть второстепенную роль. Присоединение Самандар-хана было невыгодно и по другой причине: несколькими годами ранее, когда хан состоял на службе у кандагарских сардаров и управлял Сиви, он устроил засаду между Пешингом и Шалом близкому родственнику сардара-попалзая и либо убил его, либо выдал кандагарским вождям на расправу. Эти обстоятельства, возможно, лишили шаха в ту пору услуг Хаджи-хана Хака. Во время его отсутствия осторожный Дост-Мухаммед-хан не произнёс ни единого слова, которое, будучи переданным, могло бы быть истолковано как признак подозрений относительно замыслов поставленного им правителя. В разное время он посылал семье хана кошельки с двумя тысячами и с одной тысячей рупий, учтиво осведомлялся об их нуждах и выражал сожаление, что хан подвергает себя лишениям. Многие на дурбаре открыто говорили, что хан поднял мятеж, но Мирза-Сами-хан и Хан-мулла горячо возражали против этого, причём последний утверждал, что хан слишком хороший мусульманин, чтобы когда-либо стать «яги», то есть мятежником. Добравшись до Арганди, хан положил конец сомнениям и душевным колебаниям, воскликнув, что он «ашак», или влюблён в самые глаза Дост-Мухаммед-хана. Оставив войско и спутников следовать за собой, как им заблагорассудится, он в сопровождении немногих избранных людей поскакал к городу. О его прибытии и приёме уже было рассказано.

Возвращение ханского джаидада, ловкий ход Дост-Мухаммед-хана, свело влияние вождя Хака до сравнительно ничтожной величины и на время лишило его возможности действовать. Оно также вынуждало его распустить многочисленных приверженцев, которых он больше не мог содержать, и таким образом сардар достиг важной цели, не прибегая к неприятной необходимости отдавать категорический приказ. Хан, усевшись на гилам, чтобы принимать от друзей фатихи по случаю смерти своего брата Гуль-Мухаммед-хана, на несколько дней избавился от унижения являться на дурбар и получил возможность тайно посоветоваться со своими сторонниками о дальнейшем образе действий. Когда он наконец возобновил посещения сардара, то заговорил с ним высокомерным тоном. Сардар упрекнул его в убийстве Езданбахша. Хаджи-хан спросил, разве оно не было совершено по его приказу. «Нет, — сказал Дост-Мухаммед-хан, — я никогда не велел вам давать семь ложных клятв, а потом убивать человека. Я постоянно писал вам, чтобы вы осыпали его хилатами, обеспечили его безопасность и привезли в Кабул, где спустя некоторое время я поступил бы с ним великодушно и отпустил его». Хан возразил, что странно слышать от сардара упрёки кому-либо за ложные клятвы, и спросил, каким образом тот заманил в ловушку и умертвил вождей Кохистана. Сардар ответил, что посредством «ильм-бази», или ловкости, поскольку посылал им куски дерева, а не Кораны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.